

В. В. ВЕЙДЛЕ

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Пишу заметку о философских книгах, недавно вышедших тут, у нас, в зарубежье, как теперь принято выражаться, но думаю при этом не о здешних читателях, а о тамошних, сидящих у себя дома, в перестроенном на тюремный лад доме, и которым эти мои строчки вряд ли даже и попадутся на глаза. Сама тема моя заставляет о них думать. Буду писать для них, а читатель мой несоветский пусть уж меня простит, да быть может, не вредно будет и ему перенестись мысленно туда, к родичам своим, и прочесть эту заметку, как если бы он жил в Москве, в Киеве или в переименованном дважды, по недомыслию двух сортов, Петербурге.

Почти одновременно вышли три книги одного из крупнейших русских мыслителей, С. Л. Франка. Первая из них, «*Душа человека*»*), увидела некогда свет в России, но в очень неблагоприятное для философии время, в июле 1917 года, так что ее тогда мало кто прочел. Вторая, «*С нами Бог*», написана была не во время первой, как «*Душа человека*», а во время второй мировой войны, но на русском языке теперь публикуется впервые; имелось до сих пор лишь английское и французское ее издание. Третья представляет собой антологию, собрание отрывков из произведений русских мыслителей, которое Семен Людвигович составил незадолго до своей кончины (1950) и предполагал опубликовать на английском языке. Озаглавлена книга «*Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века*». Начинается она с Владимира Соловьева, дает отрывок из Розанова, отрывок из Флоренского, в остальном же состоит из текстов, авторы которых были, как и сам С. Л., высланы из Советского Союза в 1922 году или покинули его добровольно (этих меньшинство) около того же времени. Если бы предназначалась она не для иностранцев и для нас, а для русских в России, следовало бы озаглавить ее «*Запретный плод*».

В другие времена показалось бы это парадоксальным, но ведь факт

налицо, что вся русская философия, от Соловьева до наших дней — запретный плод для русских читателей, живущих не за границей, а у себя на родине. Одновременно с книгами Франка, и посмертным изданием, как они, вышел в Париже сборник статей Льва Шестова «*Умозрение и откровение*»**); четыре других объемистых его книги вышли за рубежом при его жизни; все они переведены на французский, частью и на другие языки. А в России? В России все они, как и все книги Шестова, вышедшие там до 1917 года, — запретный плод. В начале текущего года умер в Париже на 94-ом году жизни другой выдающийся и весьма ценимый на Западе русский философ, Николай Онуфриевич Лосский; все его сочинения, где бы они ни были опубликованы, точно так же для незарубежных русских, для русской молодежи запретный плод. Вскоре после него, 23 февраля, скончался в Мюнхене, через пять дней после того, как ему исполнился 81 год, Федор Августович Степун, мыслитель и писатель, в равной мере принадлежащий русской литературе и русской философии. Он выпустил за последние годы целый ряд книг, жадно читавшихся немцами в немецком переводе. Вышли эти книги и по-русски — не в России конечно. Там они — да, да, буду повторять это, как припев — запретный плод. Или — это уж совсем мировое имя — Николай Александрович Бердяев, один из знаменитейших философов двадцатого века. Умер в 1948 году в Клараме под Парижем. Написал множество книг, переведенных на множество языков. Есть они по-русски. Хранятся, должно быть (но уж конечно под замком), в больших библиотеках Советского Союза. Пусть попробует там их спросить любознательный читатель. Ответ ему будет: ишь чего захотели! Не знаете разве, что все это — запретный плод.

Все это и многое другое. Бердяев, Степун, Лосский и Франк были в 1922 году высланы из России вместе с несколькими десятками других выдающихся русских мыслителей, писателей и ученых, которые почти все

теперь умерли, но писания которых остаются под запретом и по сей день. Все писания, а не только напечатанные за границей, что и вполне логично. Нечего снимать запрет с опубликованного ими до 1922 года, раз не снят он с Владимира Соловьева, Федорова, Розанова, Флоренского, да и с Константина Леонтьева, с Хомякова... Среди высланных был и Сергей Николаевич Булгаков, так как же например не включить в запрещенную литературу его «*Свет невечерний*», его «*Философию хозяйства*», раз включены в нее «*Национальный вопрос*» Соловьева или его же «*Три разговора*» с гениальной «*Легендой об Антихристе*»? Запретным плодом остается не только двухтомная «*История русской философии*» покойного В. В. Зеньковского, вышедшая в Париже и ставшая в переводах настольной книгой для всех интересующихся ее предметом, но и почти полностью самый этот предмет, сама русская философия, в лице виднейших представителей ее и тех ее книг, чтение и критическое обсуждение которых могло бы оказаться в наше время наиболее плодотворным.

Конечно, вся философия эта, и прежняя, и новая, очень мало имеет общего с тем, что называют философией в Советском Союзе. Но ведь в конце концов Советский Союз именует себя — если не официально, то официально — также и Советскую Россией (таково название одного из его печатных органов), а советской России вряд ли может быть так уж вовсе неинтересна несоветская русская философия. Для борьбы с религией она, что и говорить, непригодна, но ведь и в советской России не могла же дойти мысль до такой степени убожества, чтобы ей ни о чем уж и не мыслить, кроме как о борьбе с религией; или до такой степени невежества, чтобы не знать, что все мыслители христианской эры, даже враждебные христианству, были, в своем мышлении, так или иначе с ним связаны и от него зависимы. Русская же философия недавнего прошлого, поскольку она представляет собой что-либо самостоятельное и значительное, с христианскими идеями и христианской религией связана глубже и тесней, чем

*) «*Душа человека*» и «*С нами Бог*» — Издательство YMCA-Press, 1964, Париж.

**) Издательство YMCA-Press, 1964, Париж.

всякая другая. Это просто исторический факт, с которым никто поделаться ничего не может. Если вы постановили игнорировать его и о философии этой ничего не знать, вы тем самым отrekliсь от мыслящей России и запретили себе мыслить в общении с ней, хотя бы и в общении борьбы, потому что и для борьбы нужно знать, с чем вы, собственно, желаете бороться. Если эти мыслители — ваши враги, вы не победите их, пока не познакомитесь с ними.

Однако русские люди, живущие нынче в России, и особенно люди молодые, разве они считают этих умерших в изгнании соотечественников своими врагами? Не думаю. Они тянутся к запретному плоду; и они дотянутся до него. Недаром, уже тому семь лет, перепечатали все-таки в Москве «Кризис искусства» Бердяева, — не без оговорок, разумеется, и в порядке борьбы с «абстракционизмом», некоторые ранние проявления которого были Бердяеву не по душе (хотя соцреализма он, конечно, не защищал бы). И недаром выпустили там же в прошлом году сборник статей, довольно подробно обсуждающих

взгляды Гуссерля, Николая Гартмана и других современных философов, из тех, кого партийное начальство сует в ящик, на который наклеен ярлык «идеализм», хотя ни Гуссерль, ни Гартман идеалистами себя, в общепринятом смысле слова, не считали. Прежде, однако, им бы просто сказали, как самому Платону: идеалист, становись в угол (или к стенке) и вовсе не позволяй бы разбираться, чем один бяка-идеалист отличается от другого бяки-идеалиста. Значит, пожалуй, начинает кое-кто в России понимать, что доводы Бердяева или Гуссерля, или еще переведенного недавно польского гуссерлианца Ингардена («Исследования по Эстетике», Москва, 1962), в защиту или в осуждение чего бы то ни было, просто на просто интересней, питательней для мысли, чем вялые дважды два четыре (или дважды два пять), выдаваемые за мышление партийными блюстителем порядка. А если так, то почему же не переиздать «Обоснование интуитивизма» Лосского или «Предмет знания» Франка, хотя бы для того, чтобы способный философствовать ум соста-

вил себе понятие о том, что такое философия: ведь по статьям Добролюбова, по наивной диссертации Чернышевского, по задорным, но беспомощным «Философским тетрадам» Ленина ни малейшего представления об этом составить себе нельзя...

Или, возвращаясь к вышедшим теперь в Париже книгам, разве не интересно было бы людям, молодым людям в России, хотя бы и в советской России, узнать из книги Шестова, что думал этот русский мыслитель о том же Гуссерле, или о Киркегоре, или о Толстом, Достоевском, Федорове, Розанове, или что думал Франк о религиозном опыте, о вере, когда вспоминал стих Соловьева

Бессильно зло, Мы вечны. С нами Бог,

или что думал он о душе человека, о душе, как о чем-то цельном и неделимом, о той нашей человеческой сути, о которой в учебниках психологии ровно ничего не сказано? Полагаю, что на этот вопрос незачем мне и отвечать.***)

***) Вестник РСХД, № 77. II-1965

Критика идей интуитивизма в СССР

В. ВЕЙДЛЕ, говоря о парадоксальном факте, «что вся русская философия, от Соловьева до наших дней — запретный плод для русских читателей живущих у себя на родине», ставит вопрос: «Однако русские люди, живущие нынче в России, и особенно люди молодые, разве они считают этих умерших в изгнании соотечественников своими врагами? и отвечает: «Не думаю. Они тянутся к запретному плоду; и они дотянутся до него».

Ряд фактов последнего времени служит подтверждением того, что русские читатели частично уже дотянулись до запретного плода, ибо не было бы основания выпускать объемистую брошюру И. П. ЧУЕВОЙ, — «Критика идей интуитивизма в России», изданную Академией Наук СССР в 1963 году, в которой «делается попытка опровергнуть, с точки зрения марксизма, философские концепции Н. О. ЛОССКОГО и С. Л. ФРАНКА»*).

Появление этой брошюры свидетельствует:

1. О провале тактики «замалчивания» огромной творческой работы, осуществленной в условиях свободы этими блестящими представителями русской философской мысли в зарубежье. Советские марксистские философы оказались вынужденными сказать «свое слово» о них, так как интерес к ним среди советской молодой интеллигенции возрос настоль-

ко, что замалчивать их просто стало невозможно.

2. В своей критике автор брошюры совершенно откровенно заявляет о том, что именно вызывает среди советской марксистской ортодоксальной философии наибольшее беспокойство в творчестве русских свободных мыслителей и в их влиянии на мировую философскую мысль.

Ниже мы даем некоторые выдержки из этой брошюры, (при этом считаем необходимым подчеркнуть, что брошюра издана всего в количестве 2.200 экземпляров. Имея ввиду, что в Советском Союзе имеется более 120.000 библиотек, а также, что какая-то часть издания попадет за границу, можно считать, что ее едва хватит для библиотек крупных городов страны и городов где имеются высшие учебные заведения.

Вот что пишет ЧУЕВА:

*

— «В данной работе рассматриваются и подвергаются критике философские взгляды двух главных представителей русского интуитивизма — Н. О. ЛОССКОГО и С. Л. ФРАНКА.

Н. ЛОССКИЙ считается создателем русского интуитивизма. Его основные работы посвящены вопросам гносиологии и онтологии. Много внимания он уделяет и методологическим проблемам естественных наук. В настоящее время некоторые буржуазные историки философии пытаются представить его в качестве одного из самых видных представителей идеалистической философской мыс-

ли в России, несмотря на то, что он фактически забыт в нашей стране. Вот что, например, пишет В. Зеньковский: «Н. О. ЛОССКИЙ — один из самых плодовитых писателей по философии — им написано очень много книг, значительная часть которых разошлась в нескольких изданиях; почти все они переведены на иностранные языки (английский, немецкий, французский). Лосский справедливо признается главой русской философии, имя его широко известно всюду, где интересуются философией» (стр. 6).

— «Не менее известны за границей взгляды другого представителя интуитивизма в России С. Л. ФРАНКА (1877-1950), который, в отличие от Н. О. ЛОССКОГО, больше внимания уделял социологии и вопросам философии истории. Обосновывая интуитивизм с различных онтологических позиций, Н. ЛОССКИЙ и С. ФРАНК полемизируют друг с другом и тем самым облегчают задачу критического рассмотрения их взглядов с позиций материализма» (стр. 7).

— «Развитие и научное обоснование идей Платона и неоплатоников, которые имеют место в трудах ЛОССКОГО и ФРАНКА, не случайное явление. Интуитивизм в России возникает как разновидность религиозной философии, базирующейся на принципах православного богословия, а русская религиозная мысль всегда была органически связана с идеями Платона и неоплатоников, так как объективный идеализм дает философское оправдание и обоснование

*) Взято нами из № 4 тетрадей «Вольной мысли», Вашингтон, 1965.

догматов религии. Учение Платона и его последователей органически вошло в русское православие и мистику. Оно пронизывает те многочисленные «труды» по богословию, которые издавались в дореволюционной России, ибо религиозное представление о боге как творце всего мира, учение о высшем (духовном) мире, вечном и неизменном, находит свое философское обоснование в идеях платонизма» (стр. 23).

— «Представление о современной религиозной философии как о наивном воспроизведении догматов религии было бы односторонним и в корне не верным. Религиозная философия в наше время стремится к синтезу всех «достижений» идеалистической философии создавая единство рядов в борьбе с материализмом и атеизмом. Поэтому стремление Н. Лосского и С. Франка создать универсальную философию на основе

анализа категорий 'бытия'. По их мнению, в составе бытия следует различать три сферы: материальную — мир конечных вещей, ограниченный пространственно-временными определениями; идеальную — сверхвременный и сверхпространственный мир общих понятий, и, наконец, божественную — 'сфера Абсолюта'. Все три сферы бытия объявляются 'реальными' и в тоже время иерархически неравноценными. Материальный мир, как конечный во времени и ограниченный в пространстве, объявляется низшим видом бытия.

Материальное не существует вне идеального, ибо последнее входит в объективную действительность в качестве свойств или отношений конкретно существующих вещей. В основе разделения мира на идеальную и материальную сферу лежит методологически порочная идея русских интуитивистов о возможности мета-

последовательности и нелогичности их системы» (стр. 36).

— «Все высказывания ФРАНКА насковозь проникнуты демагогией и софистикой. Он пытается выдать религию за прогрессивную веру, способную вывести человечество из тупика. Более 'оригинальный' вывод, пожалуй трудно придумать: религия, провозгласившая тщетность и ничтожество материального мира, проповедующая созерцательность и уход от земных нужд в потустороннюю сферу, всегда служившая орудием угнетения эксплуатируемых со стороны эксплуататоров, оказалась у ФРАНКА активной силой; а материализм, логически вытекающий из всей общественно-исторической практики человечества, объявился им 'опиумом для народа!' (стр. 38).

— «В отличие от ЛОССКОГО ФРАНК строит социологию на открыто религиозной почве. Основную цель общественного прогресса он видит в наиболее полном, воплощении в совместной человеческой жизни всей полноты божественной правды... и осуществлении самой жизни во всеобъемлющей полноте, глубине, гармонии и свободе ее божественной первоосновы» (стр. 116).

— «Общество по его мнению, представляет собой первичную целостность — единое существо. Но как и всякая целостность, она включает в себе массу определенностей, сумма которых отнюдь не исчерпывает понятие 'общество как целое'».

С этих позиций ФРАНК дает определение своего понимания демократии. «Ценность демократии, пишет он, не в том, что она есть власть всех, а в том, что она есть свобода всех. Смысл ее преимущественно отрицательный: демократия означает освобождение от опеки, уничтожение привилегий немногих на господство, отмену различий между «активными» и «пассивными» гражданами. Истинное значение демократии состоит не во власти в руках всех, а в ограничении каждой индивидуальной воли волею всех остальных членов общества».

В этих словах совершенно определенно обнаруживается демагогическая сущность принципов буржуазной свободы и равенства. Отречение от эгоистических целей отдельных индивидов во имя осуществления «общечеловеческих идеалов» и интересов является на деле требованием к трудящимся отказаться от своих кровных интересов во имя претворения в жизнь целей господствующих классов» (стр. 117-118).

— «Популярность религиозной философии на Западе (в том числе и русской) усиливается также тем, что в настоящее время буржуазная интеллигенция в поисках более действенного средства против материализма все чаще и чаще обращается к ре-

Российское Зарубежье, рассеянное по всему свободному миру, приближается к 50-летию своего существования. За эти годы, по обе стороны российского рубежа, родилось и выросло уже два поколения, знакомых с исторической Россией по рассказам и письменным источникам. И одно — подсоветское — почти ничего, и другое — зарубежное — очень мало знают о том огромном духовном и культурном наследии, которое создано их отцами в Зарубежье за эти почти полвека.

Редакция тетрадей «Зарубежье» ставит своей целью:

— Знакомить новое поколение с духовно-идейным и культурным творчеством российского Зарубежья.

— Знакомить с духовно-идейными и культурными ценностями, созданными в свободном мире и имеющими общечеловеческое значение.

— Стать связующим звеном в переключке «живых душ» в целях духовного и идейно-творческого общения и обмена ценностями, которые могут явиться ответом на вызов истории.

Нашим начинанием мы хотим служить России.

принципов религии является очень симптоматичным для буржуазной философии эпохи империализма.

Русские интуитивисты выступают не только за унификацию различных идеалистических школ против их общего врага — материализма, но и за создание единого религиозного фронта в борьбе с атеизмом. Белоэмигрант В. Зеньковский в работе «Русские мыслители в Европе» призывает использовать кризис естествознания в конце XIX-начале XX века для того, чтобы возродить идеализм, питающий религиозные представления о мире. Он указывает на православие, как на наиболее совершенную форму религии, призывает служителей культуры отказаться от религиозной розни и объединить свои силы в борьбе с общим врагом — международным коммунистическим движением. В связи с этим он призывает русских религиозных философов серьезно подойти к проблеме построения православной культуры и широко пропагандировать ее» (стр. 24).

— «Учение о мире и его структуре русские интуитивисты начинают с

физического отрыва и противопоставления общего единичному...» (стр. 26-27)

— «В угоду религиозной догматике русские интуитивисты создают идеалистическую философию целостности.

ФРАНК пытается объединить материальное и идеальное бытие в высшем, металоогическом синтезе или 'Абсолютном бытии', которое, по его мнению, существует как единство идеального и материального. Объединение идеального и реального в сфере 'Абсолютного бытия' с логической неизбежностью приводит ФРАНКА к признанию 'творца' демиурга действительности, который существовал до разделения на временное и сверхвременное, т. е. вечное. Временное может быть лишь постольку, поскольку имеется вневременное, идеальное, 'Абсолютное бытие'» (стр. 28-29).

— «Религиозные философы пытаются обвинить представителей диалектического материализма в 'незаконном наделении материи божественными свойствами', а также в не-

С. ФРАНК

СВЕТ ВО ТЬМЕ**ОПЫТ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

«Власть тьмы» — первая глава последней, изданной при жизни Семена Людвиговича, книги «Свет во тьме». — Опыт христианской этики и социальной философии». В предисловии к книге С. Л. пишет:

«Предлагаемое размышление было задумано еще до начала войны и первоначально написано в первые годы войны, когда еще нельзя было предвидеть весь размер и все значение разнуданных ею демонических сил. Позднейшие события ни в чем не изменили моих мыслей, а скорее только укрепили и углубили их. Но после всего пережитого за эти страшные годы, надо было выразить их в совсем других словах; и рукопись была поэтому довольно радикально переработана после конца войны.

По своему внешнему облику мое размышление носит характер богословского трактата. Я хотел бы предупредить читателя, что — худо ли это или хорошо — этот внешний облик не вполне соответствует внутреннему существу моей мысли. Правда, всем моим умственным и духовным развитием я был приведен не только к высокой оценке традиционной христианской мысли, но и к признанию абсолютной истинности Христова откровения; и я пришел к убеждению, что все бедствия человечества имеют своим последним источником уже давно происшедший и все углубляющийся отрыв его от христианской традиции, и что, напротив, все лучшие и высшие упования человечества, разумно осмысленные, суть лишь выражение исконных требований христианской совести. . .

Предлагаемое размышление хочет поэтому быть не отвлеченным богословским трактатом, а скромной попыткой религиозного осмысления идейно-жизненного опыта автора. Этот опыт есть, прежде всего, опыт общественно-исторический. Вместе с большинством русских мыслящих людей моего поколения я исходил в юности из социалистической веры в

(Окончание. Начало см. на 3-ей стр.)

лигии. Если крайнее обострение противоречий в период русских революций вызвало там к активной жизни религиозную философию уже в начале XX века, то в Западной Европе и Америке этот процесс начался несколько позже. Но «растущий авторитет» религиозной мысли, который наблюдается в современный период, неопровержимо свидетельствует, с одной стороны, о тупике в развитии идеализма, с другой — об обострении кризиса капиталистической системы в целом» (стр. 122).

спасение человечества через радикальный общественный переворот. Но уже давно, в самом начале столетия, группа русских мыслящих людей, к которым и я принадлежал, начала все яснее сознавать неудовлетворительность и гибельность господствующего умонастроения безверия, которым обосновывалась эта мечта о светлом будущем. В пренебрежении к абсолютным ценностям, в отвержении духовных основ бытия мы уже тогда стали прозревать опасность, что этот нигилизм должен привести к удушающему и калечащему личностности деспотизму. Этим сознанием был определен наш переход от «марксизма» сначала к несколько туманному «идеализму», а потом к положительной христианской вере. Все, что произошло за последние сорок лет сначала в России, а потом в Европе, к несчастью, подтвердило эти опасения в объеме, которого никто не мог тогда предвидеть. Большевицкая революция и утвержденный ею порядок были грандиозным экспериментом *in corpore viii*, далеко превзошедшем худшие опасения. И вслед за этим мы были свидетелями бессилия и слепоты безрелигиозного гуманизма западных демократий, а затем нарастания в Европе новой формы безбожия в лице титанизма, уже открыто проповедовавшего демонический культ насилия и хищнического властолюбия, принципиальное отрицание всех нравственных начал жизни. Кто понял духовное существо русского большевизма, не может не видеть в национал-социализме и фашизме его родного по духу брата — лишь новый вариант безбожного демонизма. Теперь, когда этот демонизм потопил мир в море крови, уже весь мир понял его смертельную опасность. Однако, подлинный смысл пережитого остался еще для многих непонятным, благодаря тому — с точки зрения принципиально-идеологической — случайному обстоятельству, что два родных по духу титанизма столкнулись между собой, и советское безбожие оказалось временным союзником западной демократии, основанной, несмотря на ее обмирщение, на христианских нравственных началах. Теперь, едва кончилось война, это недоразумение уже в значительной мере рассеялось.

Исторические события можно толковать по-разному, смотря потому, на какой из многих общих и частных их причин сосредотачивается внимание. Но, кажется, многие теперь начинают сознавать, что первопричина исторического движения лежит в изменении строя духовной жизни и руководящих ею идей. Если это так, то

никакие, даже самые успешные, военные и политические действия не могут сами по себе спасти человечество, ибо борьба здесь идет, по слову апостола, «не против крови и плоти, а против духов злобы поднебесных». Путь к спасению лежит лишь в углублении духовного самосознания, в пересмотре господствующих идей».

* *
*

1. «Власть тьмы».

Когда первосвященники и старейшины еврейского народа с толпой служителей пришли в Гефсиманский сад, чтобы арестовать Иисуса, Он сказал им: «Теперь — ваше время и власть тьмы» (Лук. 22, 53). Я думаю, многие люди, если хотят подвести итог горькому жизненному опыту современности, не могут найти лучшего выражения, чем эти слова. Основное, решающее впечатление от всего, что пришлось пережить европейскому человечеству за это последнее время, есть впечатление власти тьмы в мире. Силы зла и разрушения торжествуют над силами добра; заблуждения во ~~общему~~ праву оказываются могущественнее истины, слепая игра иррациональных сил — в личной жизни, или в жизни исторической — полагает предел всем упованиям человеческого сердца. Таково доминирующее впечатление, которое мы имеем от жизни. Оно ведет к убеждению, что все доброе, разумное, прекрасное, благородное есть в мире и редкое исключение, и нечто чрезвычайно хрупкое и слабое, всегда подавляемое силами зла и тонущее среди них. Общий фон и как бы основную, господствующую сущность мирового бытия составляют силы противоположного порядка — слепые, стихийные страсти корысти, ненависти, властолюбия и даже бессмысленного, порочного садизма. То, что еще 40 лет тому назад — отчасти даже только 10 лет тому назад — казалось абсолютно невозможным в европейском человечестве, воспитанном на началах античной культуры, христианского сознания и великого гуманитарного движения новой истории, — рабство, по жестокости далеко превосходящее его формы в древности, массовое истребление целых народов, обращение с человеком, как с скотом, циничное презрение к самым элементарным началам права и правды — осуществилось с поразительной легкостью. Так называемый культурный человек внезапно оказался обманчивым призраком; реально он обнаружил себя неслышанно жестоким, морально слепым дикарем, культур-

ность которого выразилась только в одном — в изысканности и усовершенствовании средств истязания и убийства ближних. Сто лет тому назад пронизательный русский мыслитель Александр Герцен предсказывал нашествие «Чингисхана с телеграфами». Это парадоксальное предсказание оправдалось в масштабе, которого не мог предвидеть Герцен. Новый Чингисхан, родившийся из недр самой Европы, обрушился на нее воздушными бомбардировками, разрушающими целые города, газовыми камерами для массового истребления людей, и грозит теперь смести человечество с лица земли атомными бомбами.

Конечно, легко пытаться ослабить ужас и принципиальную значительность этого сознания, ссылкой на то, что в этом повинны отдельные народы или отдельные, овладевшие ими, морально-политические доктрины. Это, столь обычное для человека, особенно в моменты одержимости страстями вражды, фарисейское настроение не только морально ложно, но и чисто теоретически основано на жалком недомыслии. Конечно, нельзя отрицать, что нравственные и духовные начала оказались у одних европейских народов более прочными и устойчивыми, чем у других. Но это не отвечает на вопрос, почему в лоне европейского человечества, единого и по расе и по исторической культуре, могло так легко зародиться и окрепнуть новое варварство. Для кого идея христианско-европейского человечества, христианского мира («chrétienneté») не есть пустое слово, тот не может подавить в себе покаянного сознания, что этот христианский мир, как целое, ответствен за происшедшую в нем моральную катастрофу. Германский народ не менее других европейских народов был носителем христианской культуры; в лице своих великих мистиков он нашел одно из самых глубоких выражений христианского духа; он породил реформационное движение, которое, несмотря на все его позднейшие заблуждения, содействовало возрождению церкви; и среди своих великих мыслителей и поэтов он еще так недавно имел таких общепризнанных представителей европейского гуманизма и наставников человечества, как Кант и Гете. Его неожиданное впадение в неслыханное варварство должно поэтому восприниматься, как проявление духовного заболевания всего европейского человечества, как единого целого. Это было подтверждено фактом заразительности этого заболевания. До начала войны национал-социализм (как и до него фашизм) встретил неожиданное снисходительное, терпимое и даже благосклонное отношение к себе, и приобрел убежденных сторонников едва ли не во всей Европе; а во время войны во всех оккупированных и вассальных государствах Европы легко удалось воспитать целые кадры людей, применяв-

ших эту варварскую доктрину с меньшей бесчеловечностью, чем сами немцы; популярное утверждение о прирожденной склонности немецкого народа к жестокости и презрению к человеческой личности перед лицом этих фактов обнаруживается, как лицемерие или глупость. Факты неопровержимо свидетельствуют, что очень многих европейцев, казалось, проникнутых христианско-гуманитарной культурой, при известных условиях легко превратить в течение весьма короткого времени в варваров и извергов. И так же близоруко усматривать последний источник зла только в определенной доктрине. Доктрина есть только внешняя оболочка и идеологическое оправдание для инстинкта зла, дремлющего в душе человечества; весь ее успех состоит в том, что она потакает разнужданию инстинкта. Где этот дух зла становится активным и ищет обнаружения, он легко найдет себе оправдание и в других доктринах; и кто духовно еще не совсем ослеп, тот знает, что, например, победоносный враг национал-социализма и фашизма, русский коммунизм — есть лишь другая разновидность того же культа зла и бесчеловечности, и что после военной победы над национал-социализмом опасность крушения моральных основ общества и всей человеческой жизни только изменила свою форму, но остается не менее грозной. Но надо идти еще дальше. Если национал-социализм и коммунизм можно и должно рассматривать только, как две разновидности одного и того же зла «тоталитаризма», подавления человеческой личности бесчеловечной машиной абсолютного государства, то надо признать, что и «тоталитаризм» во всех его разновидностях есть только одна из форм, а не сама сущность безнравственности и бесчеловечности. Дух ненависти, цинизма, презрения к человеческой жизни, гораздо шире и более распространен, чем какая либо доктрина; за время войны он естественно сделал огромные, жуткие завоевания, овладев душами принципиальных противников «тоталитаризма». Кому из нас за эти годы не случалось встречать добрых, культурных людей, убежденно проповедовавших поголовное истребление или порабощение всего немецкого народа? И каковы бы ни были аргументы в пользу военной целесообразности употребления атомной бомбы — в мировую историю войдет на веки, как несмыслимый позор человечества, факт, что первое применение метода войны с помощью искусственного землетрясения и внезапной гибели сотен тысяч невинных людей принадлежит англо-саксонскому миру, общепризнанному носителю начал права и уважения к человеку.

Нет, надо иметь мужество смотреть правде в глаза. Все пережитое нами за последние годы и уже задолго до этой катастрофы смутно предчувствуемое — свидетельствует об од-

ном. Дух зла не сосредоточен в каких либо отдельных конкретных его носителях, и одолеть этих носителей с помощью военного разгрома не значит победить и уничтожить самый дух зла: он обладает таинственной способностью, как искры пожара, перескакивать из одной души в другую; он, как феникс, возрождается из пепла в неожиданных новых формах. Ибо он искони таится в душе человечества, есть некая сверхчеловеческая сила, неодолимая никакими чисто-человеческими усилиями и внешними мерами. Он есть истинный «князь мира сего», и потому мир находится во «власти тьмы».

Современный немецкий философ Николай Гартманн выражает свое пессимистическое впечатление от мира в общем метафизическом утверждении, что уровень бытия обратно пропорционален его силе, — что высшее, будучи производной надстройкой над низшим, всегда слабее последнего. Силы духовного порядка слабее сил животных, силы органического мира слабее сил мира неорганического. Но нет даже надобности признавать эту формулу, чтобы усмотреть власть тьмы над миром. Достаточно ограничиться скромным и уже совершенно бесспорным сознанием, что в мировом бытии просто не дано никаких гарантий для торжества начал добра и разума — другими словами, что между ценностным уровнем какого-либо проявления мирового бытия и его реальной силой или влиятельностью во всяком случае нельзя установить никакой прямой пропорциональности. Природа, структура мирового бытия — включая сюда и область истории, т. е. судьбы человека, — повидимому равнодушна к добру и злу, правде и неправде, разуму и глупости. В этом смысле «царство мира сего» представляется с совершенной очевидностью «властью тьмы».

Конечно, это мысль о «власти тьмы» в мире, как и евангельская идея о «свете во тьме», вообще говоря, суть истины, столь же старые, как жизненный опыт или как дерзновенно верующее — вопреки всякой очевидности фактического порядка — человеческое сердце. В каком то смысле вера была во все времена верой в эмпирически невозможное, в то, что противоречит трезвому, рассудочному опыту жизни. И, с другой стороны, издавна верующее или ищущее веры сердце мучается сомнениями, будучи не в силах согласовать свою веру, свое искание правды с бессмысленностью и несправедливостью человеческой судьбы в мире: достаточно вспомнить книгу Иова, пессимизм «Экклезиаста», скорбное недоумение о жизни древне-греческих поэтов, начиная уже с Гомера.

Но если во все времена существовало разногласие между содержанием веры и объективным порядком вещей,

как его констатирует опыт и рассудочное познание, — если во все времена невинные страдальцы ставили себе вопрос Иова, и человеческое сердце мучилось тем, что зло так часто побеждает на земле, а добро гибнет, — то все же общие представления о строе и течении мирового бытия, будучи вообще различными в разное время, давали также и совершенно различные ответы на вопрос о соотношении между содержанием веры и содержанием жизненного опыта или научного знания. Так, напр., древне-еврейский народ представлял себе всемогущего Бога — творца неба и земли — вместе с тем своим политическим покровителем, непосредственным руководителем судьбы израильского народа — «Богом брани», дарующим Израилю победу над врагами и обеспечивающим ему политическое могущество. Другими словами, содержание религиозной веры и содержание исторического знания и политической мудрости казались тогда просто совпадающими между собой. С другой стороны, античному греку мир — «космос» — представлялся непосредственным воплощением божественного разума и божественной гармонии: содержание религиозной веры (по крайней мере, философски очищенной веры) находилось в полном согласии с данными астрономии, физики, биологии и находило в них свое подтверждение. Но, быть может, в максимальной мере гармония между верой и знанием была достигнута в средневековом мирозерцании, сочетавшем христианское религиозное сознание с античным естествознанием и античной метафизикой. Если мы возьмем картину мира, как она выражена, напр., в философии Фомы Аквинского или в «Божественной комедии» Данте, то мы останемся под сильнейшим впечатлением, как лучшие умы той эпохи — несмотря на вековечный опыт торжества зла и неразумия на земле — имели твердое убеждение, что строение мира и ход мировой жизни определены началами религиозного порядка. Религиозная мораль, эсхатология, мечта о царстве небесном гармонично укладывались в рамки картины мира, которую рисовала научная космология. Бог, как любовь, — эта самая возвышенная и, казалось бы, самая «неземная», самая невероятная с точки зрения объективного знания идея христианской веры — был для Данте той самой космической силой, которая движет солнцем и всеми звездами (*l'amor che muove il sole l'altre stelle*). Это было время, когда людям искренно казалось, что — несмотря на всю видимость обратного — все в мире, рост каждой былинки и движение небесных тел, судьба каждого отдельного человека и историческая судьба человечества не только вообще совершается разумно, в согласии с Божественным промыслом, но что это согласие, утверждаемое верой, может быть объективно обнаружено всем

опытом жизни и научным знанием. Казалось, что картина строения мира, открываемая научной и философской мыслью, как и исторический опыт непосредственно подтверждают религиозное упование человеческого сердца. Истины Евангелия оказывались в согласии с истинами астрономии и физики, истории и политической философии.

Нам нет надобности описывать историю человеческой мысли, опрокинувшей эти представления, и объяснять, почему именно они стали для нас теперь невозможными. Ясно, что непроходимая бездна отделяет восприятие мира и жизни в сознании нового человека от такого рода идей. Различие здесь настолько велико, что сравнение становится почти невозможным и мало производительным.

Оставляя поэтому в стороне этот, столь далекий нам теперь образ мыслей, остановимся только на том контрасте, который поучителен для определения своеобразия идей 20-го века. Как уже указано, наше время существенно отличается от представлений совсем недавнего прошлого и притом представлений, составлявших убеждение наиболее передовых, научно-образованных кругов европейского общества. Мы разумеем, быть может, самую характерную черту духовного кризиса нашего времени — крушение веры в так называемый «прогресс» человечества. Смутно предчувствуемая с эпохи ренессанса, идея «прогресса», т. е. предопределенного совершенствования — умственного, нравственного, общественного — человеческой жизни была фиксирована в последнюю треть 18-го века в умственных построениях Тюрго, Лессинга, Кондорсе. Из сочетания веры в высшее призвание человека — веры, неосознанно родившейся из семени христианства — с наивным рационализмом родился исторический оптимизм, составляющий основу мировоззрения лучших, самых просвещенных и благородных людей конца 18-го и всего 19-го веков. Этот исторический оптимизм, эта вера в «прогресс» были верой в предопределенность скорого осуществления абсолютного добра — «царства Божия» — на земле. В эту эпоху (конец которой еще так близок нам, и отголосками которой еще доселе живут многие некритические умы нашего времени) человечество жило верой в легкую, заранее обеспеченную победу добра и разума над злом и неразумием; ему казалось, что оно идет прямой дорогой, не встречая серьезных препятствий, к осуществлению идеального состояния человеческого бытия; и либерализм, и сменявший его позднее социализм были только различными вариантами этой веры в обеспеченную скорую осуществимость на земле всей полноты правды. Человечество жило уверенностью в осуществимость высшей, последней своей мечты. В этой уверенности вера, как сокровенное и

дерзновенное упование человеческого сердца, казалось, совпадала с объективным, разумным знанием действительности — с достижениями точной и строгой науки.

— Вера в «прогресс» могла быть верой в «эволюцию», т. е. в непрерывное, постепенное, органическое и потому мирное совершенствование человеческой природы и условий человеческой жизни, или же она могла быть верой — согласно знаменитой формулировке Маркса — во внезапный «скачек» человечества «из царства необходимости в царство свободы» — из царства зла и бессмыслия в царство добра и разума. Но в обоих случаях она была тем, что мы теперь называем довольно варварским, но выразительным словом: «утопизм»: в ее основе лежала, как указано, вера в осуществимость и в определенное осуществление абсолютного добра в мире. Для этого мировоззрения характерно, что «власть тьмы» представлялась ему либо случайным (и в сущности непонятым) недоразумением в истории человечества (ввиду признаваемой прирожденной «разумности» и «благости» человеческой природы), либо, во всяком случае, временным и противоестественным состоянием человеческой жизни. Нормальным, естественным состоянием признавалась, наоборот, «власть света», осуществление которой считалось поэтому и легким, и обеспеченным. Это воззрение развивалось по большей части в оппозиции к религии — не только к вере, как она исповедовалась и проповедовалась христианскими церквями, но и к религиозной вере вообще; его сторонники обычно считали себя «неверующими»; однако, по существу оно, как уже указано, состояло из убеждения, что объективно познанная природа мира и человека согласуются с упованием человеческого сердца, именно с верой в конечное торжество «света», т. е. добра и разума, и даже прямо подтверждает эту веру, придает ей характер достоверного знания.

Но именно эта вера представляется в настоящее время мыслящему человеку, т. е. человеку, сознательно пережившему исторический и духовный опыт последних десятилетий, в буквальном смысле слова допотопной, т. е. предшествовавшей историческому «потопу» 20-го века и перед лицом этого потопа опытно обнаружившей свою несостоятельность.

Нет надобности здесь подробно разбираться в спорном еще во многих отношениях значении исторических событий нашего времени. Ясно, во всяком случае, одно: вере в «прогресс», в непрерывное и прямолинейное материальное, умственное и нравственное совершенствование человечества, пережитый нами исторический опыт нанес непоправимый удар. Теперь наша мысль уже не охва-

чена идей «прогресса»: она, напротив, прикована к тому, о чем люди недавнего прошлого странным образом совсем забыли — к историческим явлениям крушения великих цивилизаций и смены их долгими, многовековыми эпохами варварства. Мы не можем уже теперь думать, что «власть тьмы» есть только случайное, временное состояние мира и что она непрерывно прогоняется, побеждается властью разгорающегося света.

Нас занимает здесь не политика и не история, как таковые. И было бы, конечно, легкомысленно и не умно на политическом опыте 2-х — десятилетий строить какое нибудь общее философско-историческое мировоззрение, — с помощью фактов, совершившихся в короткий период времени, пытаться доказать истины, должностную иметь общее значение. Об этом здесь не может быть и речи. Мы упоминаем об этих основных чертах переживаемой нами эпохи не в качестве достаточных оснований для общих выводов философского порядка, а лишь отчасти в качестве поводов для возникновения нового мировоззрения, отчасти в качестве естественных его иллюстраций.

Под влиянием ли этих исторических событий, или даже, может быть, независимо от них и отчасти даже до них, в силу некоей необъяснимой внутренней эволюции духовной жизни, совершилось нечто, что мы здесь просто констатируем, как бесспорный факт: крушение веры — имевшей еще недавно значение аксиоматической достоверности — в прогресс, в безостановочное совершенствование человека, в непрерывную, самим устройством мира и человека predeterminedную победу света над тьмой. Эта вера сменилась теперь если не обоснованным убеждением, то безотчетным, но острым сознанием власти над миром и человеком темных сил — «власти тьмы». Или, употребляя другое выражение, принадлежащее тому же апостолу Иоанну, который написал загадочные слова о свете, светящем во тьме, — слова «весь мир лежит во зле» перестали теперь быть для нас привычной, условной церковной формулой и стали серьезной и горькой правдой. Если есть жизненное убеждение, владеющее всеми нами, то это есть именно невольное, горькое, но неустранимое впечатление — прямо противоположное еще недавней вере в predeterminedность прогресса, — что миру свойственно упорствовать во зле, что зло есть какая-то огромная, страшная сила, властвующая над миром и как-то имманентно ему свойственная. Под этим впечатлением не только рушится и обнаруживается, как губительное заблуждение, наивно оптимистическая вера в преопределенность и легкое и скорое торжество

добра над злом, но слагается прямо противоположное ей убеждение, что борьба между добром и злом есть — в пределах мирового бытия — некая вневечная борьба. Не только задача одоления мирового зла не легка, а напротив, мучительно трудна, — не только ее благоприятный исход не predetermined заранее, но меняется и самое понимание ее смысла и существа. Так как «весь мир лежит во зле», и зло имманентно присуще миру и человеческой природе, то борьба против него имеет смысл совершенно независимый от веры в победу над ним — более того, имеет смысл при уверенности, что окончательная победа добра — в пределах мирового бытия — невозможна. Это не есть дефетизм, горькая резигнация перед лицом зла; напротив, так как становится ясным, что торжество зла означает просто конец жизни — достаточно снова вспомнить об угрозе «атомной войны», — то долг и необходимость напряженной и неустанной борьбы против зла ощущаются с предельной остротой. Чем более глубоко мы сознаются корни зла, тем более настоящей представляется борьба с ним.

С. Л. Франк о марксизме

В старших классах нижегородской гимназии С. Л. примкнул к кружку, в котором изучался заражающийся тогда в России марксизм, и сблизился с группой радикальной интеллигенции. О своем увлечении марксизмом С. Л. впоследствии писал:*)

Марксизм увлек меня своей наукообразной формой. Меня привлекало мысль, что жизнь человеческого общества можно познавать в его закономерности, изучая его, как естествознание изучает природу... Революционную и этическую тенденцию марксизма я принимал; но душа моя к ней не лежала.

Под влиянием этого гимназического кружка С. Л. находился и первые два года студенческой жизни в Московском университете, 17-летним юношей.

С. Л. вспоминает об этом периоде:

«Рабочие» и вообще конкретная социальная реальность, среди которой должен был действовать революционер, отчетливо мной не воспринимались. Я действовал скорее, как гипнотизированный, как бы во сне... Но уже в течение второго университетского года (1895-96) во мне начал созревать духовный перелом, приведший меня осенью 1896 г. к решению окончательно порвать с революционной средой и заняться наукой. Я чувствовал раздражение от скороспелых категорических юношеских суждений и от скрывавшегося за ни-

*) «Предсмертное. Воспоминание и мысли». 1935 (не напечатано). С. Л. Франк 1877-1950, Мюнхен 1954.

Что эта борьба должна в пределах мировой истории длиться вечно, — не умаляет ее значения и ее необходимости; из того, что и каждый человек в отдельности, и человечество в целом до конца своей жизни должно обороняться от разрушительных сил зла, не следует, что эта борьба бессмысленна и должна прекратиться. Жизнь, полная мучительных трудностей и трагизма, все же лучше гибели, смерти и разложения; и мужество в сочетании с трезвостью выше, значительнее, в каком то смысле, разумнее мужества, питаемого только иллюзиями. Нужда в оптимистических иллюзиях только обличает, что человек внутренне не готов к тяжчайшим испытаниям борьбы; и питаться этими иллюзиями значит рисковать капитулировать перед подлинной трудностью борьбы, быть не в силах переносить героически смысл человеческой жизни. В остроте и отчетливости для нас впечатления о вневечности борьбы между силами света и силами тьмы, в невозможности для нас каких-либо воззрений — все равно, научных или богословских, — основанных на его игнорировании, заключается духовное своеобразие нашей эпохи.

ми невежества; и я ловил себя на том, что, оставаясь наедине с собой, я думал о чем угодно, только не о революции и практической революционной деятельности.

Это чувство неудовлетворенности было так велико, что... я сразу и круто порвал со своими товарищами, хотя заслужил этим у них кличку «предателя» и «дезертира». Я был тогда духовно еще настолько несамостоятелен, что ни другим, ни даже себе самому не мог объяснить истинных мотивов. Я объяснял дело так, что разочаровался в революционном мирозерцании и что не могу практически работать, не проверив предпосылок этого мирозерцания. С того момента, с 1896 г., я иду вот уже 40 лет*)... по пути, мне предугазанному самим Богом — по пути мысли.

В другом месте С. Л. описывает этот решающий перелом таким образом:

Повертевшись первые два года студенческой жизни в революционной «социал-демократической» среде и участвуя в ее подпольной работе, я по собственному опыту почувствовал, что начинаю задыхаться в этой атмосфере сектантской веры; с осени 1896 г. я, после периода колебаний и мучительных драматических объяснений с товарищами, отошел от революционной марксистской среды и стал серьезно заниматься политической экономией, в результате чего, не перестав быть «социалистом», я пришел к сознанию шаткости и несостоятельности экономической теории Маркса.

*) Писано в 1935 г.

Ф. СТЕПУН

Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции*)

Последние десятилетия перед Первой мировой войной были в России временем огромного духовного подъема и поисками новых путей. По меньшей мере со времени Владимира Соловьева русская философия перестала только пережевывать западные образцы и прочно стала на путь самостоятельного творчества. Блестящая плеяда оригинальных мыслителей и писателей не осталась незамеченной и в Западной Европе. Еще недавно крупная немецкая газета «Рейншпер Меркур» писала в связи с выходом в свет последней книги покойного Ф. А. Степуна «Мистическое мировоззрение»: «Не надо забывать, что в последние годы перед Первой мировой войной Россия в области литературы была ведущей страной Европы».

В этой атмосфере интенсивных духовных исканий сформировался и недавно ушедший от нас Ф. А. Степун. Первые годы его лекторской и писательской деятельности обещали многое для родной страны. События, однако, решили иначе. В 1922 г. Степун должен был покинуть свою родину вместе с рядом других выдающихся русских мыслителей, как то Бердяев, Булгаков, Франк. Мертващий, уже тогда духовно устаревающий, окостенело догматический марксизм не допускал никаких иных путей для мышления и живых духовных поисков.

Свои богатые знания Ф. А. Степун должен был отдать молодежи другой страны. До 1937 г. он читал в Дрездене социологию. В 1937 г. другая идеологическая диктатура, нацистская, наложила запрет на его лекции. Только после войны Ф. А. смог возобновить свою профессорскую деятельность. В течение многих лет он читал историю русской культуры в Мюнхенском университете.

Но и оторванный от родины он служил ей не только тем, что знакомил западно-европейскую молодежь с сокровищами русской культуры. Размышления о прошлых и будущих путях России, размышления не абстрактные и теоретические, а проникнутые сердечным чувством, любовью и любовью к своему народу, остались нам, более молодому русскому поколению как на родине, так и за рубежом, драгоценным наследством и завещанием.

В 1959 году Ф. А. издал свою книгу «Der Bolschewismus und die christliche Existenz». В этой книге он дает глубокий разбор основных принципиальных вопросов существования человека и человеческого общества с од-

новременной критикой как господствующего на нашей родине тоталитаризма, так и многих явлений в демократических странах.

А в том же году для альманаха «МОСТЫ» Ф. А. перевел из этой книги главу «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции». Ниже приводится отрывок из этой главы.

В. Пирожкова.

*

Большевизм вспыхнул над Россией не внезапно. У Ленина был ряд предшественников. Самым значительным из них надо считать родившегося в 1844 году Петра Ткачева. Свои общественно-критические и революционно-тактические взгляды Ткачев, называвший себя первым марксистом, защищал в «Набате», издаваемом им с 1875 по 1881 год в Женеве. Его своеобразный анализ социальной структуры России был бесспорно верен. Он первый высказал мысль, что в России нет ни фабричного пролетариата, ни буржуазии, что страдающий народ и деспотическое правительство стоят в ней лицом к лицу, лишены примиряющего посредничества среднего сословия. Считая, при наличии таких условий, решительно бесполезным создание массовой революционной организации рабочих, он безоговорочно защищал идею сплоченной, централистически организованной партии, которая, не гнушаясь насильем, применяла бы его не только во время революции, но и после ее победного окончания. Совершенно в духе ленинской теории Ткачев предостерегал против разрушения государственного аппарата противника. Ему казалось более целесообразным, победив этот аппарат изнутри, использовать его для постройки нового мира. Эта идея внешне формальной непрерывности государственной власти была полной противоположностью анархизму Бакунина.

Вторым лицом в галерее ленинских предков следует назвать Сергея Нечаева, бывшего скорей практиком революции, чем ее идеологом. Яркий поклонник Маккиавелли, идеи которого он, правда, сильно упрощал, Нечаев организовывал маленькие засекреченные кружки революционеров, по пяти человек в каждом, тайно намекая, что вся Россия минирована подобными кружками. Человек невероятной энергии, но и лишенный всякой морали, он утверждал, что революционеру все позволено и ничего не запрещено. Убить ищущего собственных путей партийного товарища, обвинив его в шпионаже, не представляло для него никакого затруднения.

Как ни странно, этот холодный политик был одновременно весьма восторженным человеком, что связывало его с Бакуниным. В программе «Катехизис революционера», составленном Нечаевым при участии Бакунина, на первом месте стоят не экономические, а духовные требования: борьба с Богом, освобождение женщины от ига брака и государственное воспитание детей. Но еще показательнее этой программы последовательно продуманная Нечаевым тактика революционной борьбы, с выраженным в ней недоверием к народу. Нечаев, как позже и Ленин, утверждал, что народ собственными силами никогда не совершит революции. Дорога к свободе может быть проложена лишь путем насилия над народной волей. По мнению Нечаева, просветительный реформизм и эволюционизм «лишь снотворное для ума и сердца» и потому ни к чему не приводят. Отсюда вывод — не дожидаясь революции снизу организовать ее сверху.

Носителем этой революции Нечаев представлял себе тайное общество профессиональных революционеров. Образ такого революционера описан в катехизисе с типично бакунинской страстностью. Революционер — это обреченный. Для него не должно существовать ни личных интересов, ни любовных переживаний, ни собственности, ни даже собственного имени. Все его существо должно быть одержимо одной целью, одной мыслью, одной страстью: Революцией... Он беспощадный враг всего цивилизованного мира, он живет в нем с единой целью — его разрушения. Он ненавидит и презирает общественную мораль своей эпохи... Все, что революцию поощряет — нравственно, все, что ей препятствует — безнравственно.

Третьим, более значительным предшественником Ленина, надо считать анархиста Бакунина*). Бакунин, составивший вместе с Нечаевым «Катехизис революционера», от которого он впоследствии отказался, был по своему размеру совсем другим человеком, чем Ткачев и Нечаев. Изу-

*) Известно, что непосредственно после захвата власти, большевистское правительство не только теоретически, но и с оружием в руках боролось с анархистами, засевшими в одном из московских домов. Этот факт не отвергает моего тезиса. Ведь большевики арестовывали и ссылали и социал-демократов, несмотря на то, что сами они, как доказано, были выходцами из гнезда социал-демократов. Борьба с отцами и дедами относится, по существу, к революционной психологии.

*) «МОСТЫ» литературно-художественный и общественно-политический альманах, 3-1959.

чая жизнь Бакунина, не знавшего иной родины, кроме баррикад (он принимал участие во всех революциях и был трижды приговорен к смерти — в Австрии, Германии и России), невольно приходишь к выводу, что политическая революция была для него лишь символом более глубокой борьбы человека с Богом. Правильность такого предположения подкрепляется его восхвалением сатаны («Бог и государство»), как первого революционера, восставшего против уготовленного человеку Господом Богом рабства. Как путь к этому освобождению, Бакунин восторженно приветствовал разрушение. Самые значительные из его речей пылают огнем, испепеляющим все практические планы социалистического строительства. Характерно, что Бакунин всегда и всюду предъ-являл одни и те же требования. Все к тому же призывал он и славянский конгресс в Праге, и саксонских коммунистов в Дрездене: «Вы должны отделиться революции полностью и безоговорочно... Вы должны стать огнем, чтобы творить чудеса... Будьте грозовой тучей всех нас освобождающей революции».

Хотя слово о перманентной революции и не принадлежит Бакунину, нельзя себе представить революционера, для которого оно было бы характернее, чем для Михаила Бакунина. Мысль о конце революции или хотя бы о ее длительной передышке, была для Бакунина непереносимой, что делало его в глазах даже самых близких соратников опасным для дела вождем. Этим объясняются известные слова французского революционера Косидьера: «Что за человек. В первый день революции он не оценил, но во второй его следовало бы, собственно, расстрелять».

Вдумываясь в сущность бакунинского разрушительства, нельзя не почувствовать, что за его революционной политикой скрывается вера в творческую силу хаоса, а за его атеизмом — мрачная вера в Разум: «Доверимся вечному Разуму, лишь потому всеразрушающему, что он непостижимым образом таит в себе источник жизни и созидания». Это скорей похоже на позднего Шеллинга, чем на Карла Маркса, вместе с которым Бакунин основал первый Интернационал, из которого впоследствии Бакунин был исключен.

Сущность верования русского революционного ордена можно охарактеризовать двумя словами: «Европа и Свобода». В политических идеях Ткачева, Нечаева и Бакунина впервые зарождается предательство этих идеалов, кульминирующее в ленинской концепции большевистской партии. Захват власти Лениным нанес русской интеллигенции смертельный удар. Многие ее представители ушли

в эмиграцию. Наиболее значительные и непреклонные из оставшихся в советской России были сосланы или расстреляны. Остальные применились к новому миру, лишь немногие — по убеждению, большинство из-за тяжелой нужды. Высший идеал интеллигенции всех партий и направлений — Учредительное собрание, было хотя и созвано (1918 г.), но тотчас же и распущено, так как в нем большинство голосов получили не большевики, а социалисты-революционеры (из 707 депутатских мест коммунисты получили лишь 175). С роспуском Учредительного собрания начинается последовательное проведение в жизнь тех антидемократических ткачевских принципов, что были провозглашены Лениным еще в 1902-1903 году.

В отличие от социалистов-народников и социал-демократов европейского образца, Ленин не считал, что главная роль в революции должна принадлежать народу, в частности, пролетариату. Еще с юношеских лет он твердо верил в то, что лично ему открыта абсолютная истина. Этой истине и надлежит подчинить пролетариат, склонный ограничиваться чисто экономическими, профсоюзными требованиями. Дело революции может быть выиграно лишь «профессиональными революционерами», крепко спаянными в иерархически построенную и централистически организованную партию.

Такая структура партии вела за собой необходимость строить новую Россию не на демократических, а на бюрократических началах. В качестве переходного строя Ленин выдвигал диктатуру пролетариата. Насколько странным все это показалось даже близким Ленину социалистам, видно из дискуссионного замечания Троцкого на съезде 1902-1903 года: «Ленин хочет, собственно, не диктатуры пролетариата, а диктатуру над пролетариатом». В ответ на ленинскую статью «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.) встречаются еще более резкие слова того же Троцкого: «Если бы Ленин пришел к власти, то он обвинил бы перед Трибуналом все движение пролетариата в умеренности, причем львиная голова Маркса первая скатилась бы под ударом гильотины».

Во главе нечаевской программы стоят, как было уже сказано выше, скорей богоборческие, чем экономические требования. Своим определением веры в Бога, как «труположества», Ленин далеко опередил нечаевский аморализм, чем и объясняются поистине преступные способы борьбы с верой и Церковью, в особенности в первые годы большевистской революции.

Насколько явно в мышлении и действиях Ленина выступают ткачевский фашизм и аморальность Не-

чаева, настолько трудно уловить в них связь ленинского и бакунинского разрушительства. Бакунинская всеразрушительная тактика была Ленину близка, но почти мистическую веру Бакунина в творческие силы хаоса Ленин, конечно, не знал. Для углубленного понимания бакунинской темы в большевистской революционной тактике не лишне дать себе отчет в том, что праотец разрушения, сатана, именуется Церковью подражателем Господа Бога — Imitator Dei. Этой разрушительной имитацией и пользовался Ленин. Для уничтожения Христовой Церкви была создана красная. Для уничтожения старой, кадровой армии была организована «Красная гвардия», милиция, а затем Красная армия. Ради разрушения старой, для многих коммунистов родной направленной литературы (Горький и его окружение), громогласным Маяковским был создан новый футуристический фронт. Причем характерно, что во всех новшествах оставались приспособленные к новому положению вещей элементы старых форм: ведь даже и коммунистическая партия имитировала церковные обряды.

Все сказанное неопровержимо доказывает, что русская интеллигенция трагически заблудилась на своем пути. Ее страстное желание свободы выродилось, как это уже предсказывал Достоевский, в свободонравнистическую деспотию. В первые после большевистской революции годы Москва скорее напоминала Москву XVII века, чем Европу. Да и сейчас, несмотря на американские небоскребы, она далека от свободолобивого Запада и по своему духу напоминает скорее раскрепощенную теократию Ивана IV, чем тот демократический строй, за который более ста лет боролась русская интеллигенция.

Утверждение этого, бросающегося в глаза, сходства ни в коем случае не является тем почти слепым отождествлением царизма с большевизмом, которым часто грешат западно-европейские публицисты. По их мнению, большевизм есть, в сущности, ни что иное, как вполне понятное и последовательное продолжение царского режима: уже при царе подчиненная государству Церковь осталась подчиненной ему и при большевизме; характерный для монархии империализм естественно удержался и в советском государстве; как царская Россия не признавала свободы совести, особенно в области политики (даже проповеднические сочинения Толстого должны были печататься за границей), так же наследственно не признает ее и большевистская. Словом, все осталось по-старому.

Явное заблуждение подобных полемических сопоставлений можно было бы легко доказать неоспоримыми фактами и точными цифрами. Но

дело не в единичных фактах и не в логических доказательствах. Дело в непонимании глубокой разницы между недостатками и преступлениями монархии и недостатками и преступлениями Советского Союза. Разница эта заключается в том, что монархию, исповедавшую православие, и можно и должно упрекать в содеянных ею тяжелых грехах, так как грех — основная категория христианского сознания. Упрекать же большевизм за греховность его убеждений и действий — бессмысленно, так как последовательное материалистическое сознание не знает понятия греха. В этой неупрекаемости большевизма, который он сам считает своей безупречностью, состоит его тягчайшая вина перед Россией и человечеством. Монархия не давала России свободы по своему нравственному несовершенству, большевизм же держит ее в рабстве, уверенный в абсолютном совершенстве своего научного мирозерцания и своих политических убеждений.

Число интеллигенции в старом смысле в Советской России в настоя-

щее время весьма незначительно. То, что за границей считается новой советской интеллигенцией, является полной противоположностью тому, чем были рыцари интеллигентского ордена. Старые интеллигенты были профессионалами идеологических построений и явными дилетантами в практической жизни. Представители советской интеллигенции большей частью только «спецы». Спрашивается: есть ли у похороненной Лениным русской интеллигенции старого стиля еще шанс на воскресение? Можно ли, варьируя известное изречение, воскликнуть: «Русская интеллигенция умерла, да здравствует интеллигенция!» Подробный ответ на этот судьбоносный вопрос русского будущего завел бы слишком далеко. И потому лишь вкратце: да, старая интеллигенция должна воскреснуть, но воскреснуть в новом облике. Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущаяся о страданиях униженных и оскорбленных, которых еще очень много в мире, строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жерт-

вы. Вот черты старой интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь.

Дух же утопизма, дилетантского распорядительства в областях жизни, в которых ничего не понимаешь, и легкомысленной веры в то, что истины изобретаются философами, социологами и экономистами, а не даруются свыше, должен исчезнуть.

Образ Алеши Карамазова, посланца Церкви и монастыря на служение миру, еще не воплощен в русскую жизнь. Это воплощение — задача будущего. Для ее успешного разрешения надо отдавать себе отчет в том, что христианской политики никогда не было и никогда не будет. Но невозможность христианской политики, о которой могут мечтать лишь утописты, не отрицает трезвой политики христиан, задача которой не воссоздание святой Руси, а строительство истинно-гуманной, заботящейся о каждом человеке, ответственной в правовом и моральном отношении, далекой и от злой борьбы интересов и от слепой партийной ненависти демократии.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ

(Статья Давида Флойда*)

Известный знаток СССР Давид Флойд, сотрудник «Дейли Телеграф» пишет: «Одно из изумительных явлений нашего материалистического века, которое можно даже назвать чудом — это возрождение религии в СССР. Несмотря на все усилия властей скрыть все растущее религиозное движение и меры, которые правительство принимает против этого — теперь уже не подлежат никакому сомнению размеры этого движения. А также нет сомнения и в беспокоестве властей и в их твердом решении положить конец всем формам религиозных верований как христианского, так и других. Заботой власти, в лице председателя идеологической комиссии коммунистической партии — Ильичева, является защита от «опасных мыслей и немарксистских верований» населения СССР. Однако сам Ильичев дает наиболее убедительные свидетельства возрождения религии после войны. В этом году он сделал особенно откровенные признания в журнале «Коммунист», где он жалуется на то, что значительная часть советского народа до сих пор находится под влиянием религии, ходит в церковь и соблюдает религиозные обряды.

Перед коммунистами возникает парадоксальное явление: число церквей и религиозных общин становится меньше, а число людей, исповедую-

щих религию, увеличивается! Дело в том, что люди в СССР — христиане и нехристиане, привыкли к закрытию храмов, а самое главное поняли, что религия может существовать и без кирпича и известки, т. е. без зданий. Так, например, в Таджикистане Ильичев открыл, что настоящее число имамов значительно превышает зарегистрированное число — 39, а паломники продолжают посещать св. места, иногда замаскированные под музей, и мечети, хотя они превращены в клубы и кафе, продолжают служить своему основному назначению.

По словам самого Ильичева, приблизительно 70% верующих свыше 40-летнего возраста. Это значит, хотя этого он и не говорит, что 30% моложе 40 лет! Иначе говоря, это все люди, которые получили свое воспитание полностью при коммунизме, когда религия особенно сильно преследовалась. Многие из тех, кто моложе 40 лет — участники последней войны, а еще большее их число должно быть продуктом послевоенных лет. Таким образом всю свою жизнь они подвергались преследованиям, но вышли из этого несломленными!

Сколько же всего верующих в СССР? Судя по подсчетам, приблизительно — число православных, самой большой христианской Церкви СССР — 40 миллионов, кроме того 2-3 миллиона различных мелких сект, несколько миллионов католиков в балтийских республиках и Западной Украине. Короче говоря, око-

ло 1/4 населения СССР исповедует какую-либо форму христианства. Кроме того, надо еще принять во внимание мусульман и евреев.

Если до сих пор не удалось коммунистам убить этот «пережиток капитализма», то это вовсе не потому, что они плохо стараются. Практические результаты первых 20 лет сов. власти были весьма внушительными. К 40-му году казалось, что физическая борьба против религии почти закончена: было расстреляно не менее 107 православных епископов. Духовенство было или депортировано или принуждено прекратить службы и свою деятельность. Из 54 тысяч церквей осталось всего 8.400. Но вот война с Германией, хотя и принесла русскому народу большие страдания, или может быть как раз по этой причине, имела результатом ослабление давления на Церковь и дала возможность духовенству действовать открыто.

Отождествляя себя с патриотической стороной войны, духовенство обрело большую часть своей свободы и удержало ее в послевоенный период.

К 59 году число церквей увеличилось приблизительно до 20 тысяч, число духовенства до 50 тысяч и епископов до 73. Однако, с этого года снова начинается наступление на религию с еще большей силой. Оно принимает различные формы, лишь избегая форм грубых и неприкрытых, которые применялись в первые годы советской власти. Епископов и свя-

*). Русская мысль, 16. 1. 1965

щенников больше уже не ссылают и не казнят просто за то только, что они епископы и священники. Теперь используются более тонкие способы для прекращения их деятельности. Время от времени епископов предают суду за неуплату налогов — обвинение, которое, принимая во внимание особенности советского закона, делает возможным обвинять любого епископа. Выискиваются различные предлоги, чтобы предать священников суду и подвергать их насмешкам и презрению.

В послевоенные годы было разрешено открыть 8 семинарий, необходимых для того, чтобы продолжать церковную работу, но на сегодняшний день их осталось только три: в Москве, Ленинграде и Одессе. Происходит это не от недостатка кандидатов, желающих быть священниками. Дело в том, что, например, пока была еще семинария в Минске, прошения о поступлении в нее попросту перехватывались на почте и по назначению не доходили. Процесс закрытия церквей идет с такой быстротой, что к началу 64-го года их осталась половина того числа, которое было в 59 г. В Киеве прихожане Свято-Андреевской церкви устроили «сидячую» забастовку, отказавшись покинуть церковь, чтобы помешать ее закрытию. Очень чтимая в православном мире Киево-Печерская лавра закрыта. **Почаевскую лавру, около Кременца, не менее чтимую, можно считать тоже фактически закрытой.** Наряду с численным сокращением и ограничением влияния Церкви, ведется антирелигиозная пропаганда и проповедь атеизма в форме так называемого «научного социализма». Огромные суммы тратятся на издание антирелигиозной литературы и на целую сеть лекторов, задачей которых является «объяснить» русскому народу, насколько вышло из моды все сверхъестественное в то время, как коммунизм не только производит машины из стали, но даже послал человека в космос, чтобы «посмотреть, что там делается».

Однако, все это русский народ не убеждает и Ильичеву приходится признать, что Церковь ведет свое дело лучше, чем государство и партия, несмотря на то, что в руках последней находится весь пропагандный аппарат и все средства. Между тем духовенство и религиозные учителя не имеют доступа ни к радио, ни к телевидению, ни к кинематографу. Тираж их изданий очень небольшой. И если они удерживают влияние на своих последователей, то главным образом устным словом. «Коммунизм старается положить конец всей этой религиозной чепухе, — говорит Ильичев, — умы советских людей должны быть полностью освобождены от пережитков прошлого». «Коммунизм требует, — по словам Ильичева, — чтобы каждый член общества развивал в себе научный взгляд на мир».

Но и эта последняя кампания оказывается не более успешной, чем все предыдущие. Правда, конечно — ресурсы государства значительно увеличились больше, чем когда-либо, в то время как средства Церкви постепенно сводятся на нет, но правда также и то, что советское правительство еще очень далеко от того, чтобы обеспечить своим гражданам такое благополучие, которое помогло бы ему отвлечь людей от религии.

В СССР живет постоянная нужда в религии, а у русского народа исторически сложилось сопротивление власти. Тем не менее это не должно служить тому, чтобы свободный мир оставался равнодушным к тому, что происходит в России. В то время как Кремль делает некоторые шаги к сосуществованию с христианской Церковью в международном плане, он

у себя дома разрушает церкви, закрывает монастыри и отрицает даже самую отдаленную возможность сосуществования между коммунизмом и христианством. Нет такой страны в настоящее время, где бы религия так свирепо преследовалась, как в Советском Союзе.

«Может быть мы — верующие и неверующие, живущие в свободном мире, можем мало сделать, чтобы помочь тем людям, которые так ясно показывают, что им нужна религия, — говорит Флойд, — но у нас не может быть оправдания, чтобы оставаться в неведении относительно того, что там происходит. Это должно являться для всех христиан в СССР и для тех, кто исповедует другие религии, утешением, что мир осведомлен об их страданиях».

И. С. Ильин

БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

(40-АЯ ГОДОВЩИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ)

30 апреля 1925 года в Париже, в нынешнем Сергиевском Подвории, состоялось открытие занятий в Православном Богословском Институте. Проф. А. В. КАРТАШЕВ¹⁾ в статье посвященной 25-летию Института писал:

«Существование на чужбине, в условиях свежей еще беспочвенной эмиграции, без твердой материальной базы, Высшей Школы Православного Богословия — явление в своем роде единственное в истории православных церквей.

Катастрофы XX века оказались грандиознее прежних. Мы разрозненно рассеяны буквально по всему земному шару, по чужим территориям, в чужих государствах, без гражданского полноправия, без всякой материальной национальной базы. Наша диаспора подверглась действию неизбежного закона национального распыления и денационализации молодого поколения. И вот, в этом то положении биологического *diminuendo* всего русского бытия, возникла, укрепилась и пережила все другие попытки создания в нашей эмиграции высших школ — **Парижская Богословская Академия.** Были русские юридические факультеты в Харбине и Праге, Высшие военные курсы в Париже. Все отжило краткий век и ликвидировались в изменчивой атмосфере политики и потрясений военных. Одна наша Высшая Школа, по милости Божией, еще «стоит и омолаживается», как выражался русский публицист XVI в. о Москве — III Риме. В чем секрет? Наша

Академия стала на почву жизни церковной. Почва оказалась самой твердой и надежной в сравнении со всеми другими, на которые опиралась эмиграция. Растаяли остатки военных фронтов, обломки правительств. Скромно существуют фрагменты старых и новых политических партий. Эмиграция практически сцепляется множеством профессиональных корпоративных организаций. Но самой широкой общенациональной формой объединения оказалась, вопреки предвидениям и ожиданиям самих русских, — Православная Церковь. Приходы стали на деле самой устойчивой, удобной, широкой и бесспорной организацией пестрых по составу и настроениям русских колоний. Самые разнохарактерные элементы, религиозные и даже безрелигиозные, легко втягиваются в эту готовую, беспартийную, бытовую централизацию русских около приходов. И национальное самосознание русских эмигрантов, питаемое великими преданиями русской культуры, здесь как никогда прежде в России, окрашивается и запечатлевается духом русского исторического православия. Результат для прежней, дореволюционной русской интеллигенции, низко расценивавшей роль церкви, довольно неожиданный. Отсюда понятным становится факт возникновения богословской школы в эмиграции. Раз церковь оказалась нужной, то оказалась нужной и школа, подготовляющая пастырей церкви...»

Создание Богословского Института в Париже стало возможным благодаря финансовой помощи председателя Всемирного Христианского Студенческого Движения доктора Д. МОТТА. В июне 1924 года д-р МОТТ перевел на имя митрополита ЕВЛОГИЯ, ставшего первым ректором Института, 8.000

¹⁾ Проф. А. В. Карташев «Как создавался Православный Богословский Институт в Париже». Вестник РСХД № 75-76, 1965 г.

долларов специально для Богословского Института.

18 июля 1924 года, в день памяти Сергия Радонежского, с аукциона было куплено для Богословского Института место, церковь и несколько окружающих ее зданий нынешнего Сергиевского Подворья.

В данное время во главе Института стоит ректор прот. о. Алексей Князев.

Студентов в Институте числится 25, из них 18 студентов проходят нормальный курс обучения, а 7 студентов уже имеют богословское образование и проходят при Институте особый цикл занятий. В числе студентов: 7 русских, остальные греки, югославы, французы, англичане и швейцарцы.

По подсчетам, может быть, не вполне точным, из бывших воспитанников 8 стали епископами, 150 — священниками или диаконами, 15 — профессорами в различных богословских школах.

Более чем когда-либо Православная Церковь нуждается в просвещенных пастырях. Кроме студентов проходящих нормальный курс, все большее число студентов, уже получивших богословское образование в других странах, стремится приобрести при Институте дополнительное образование. Кроме них есть еще и те, которые при Институте стремятся достичь научных степеней — магистра или доктора.

Печатные труды профессоров Института многочисленны. Стараниями ныне покойного Л. А. ЗАНДЕРА список этих трудов был издан под заглавием List of the writings.

Ожидается второе издание этой библиографии, пополненное новыми трудами.

Богословский Институт всегда принимал активное участие в Экуменическом Движении. Когда это движение только что зарождалось, преимущественно в протестантских кругах, профессора института, напр. о. Сергей БУЛГАКОВ, о. Василий ЗЕНЬКОВСКИЙ, Владыка КАССИАН и другие были уже тогда его деятельными участниками. Среди них первое место несомненно занимал ныне покойный Л. А. ЗАНДЕР.

Основной путь Экуменического Движения есть путь взаимного ознакомления. Православное рассеяние, и при том главным образом русское, много содействовало ознакомлению Протестантского и Католического мира с Православием, и роль Института и его профессоров была в этом деле особенно значительной.

С 1918 года в Советском Союзе на борьбу с религией поставлена вся мощь коммунистического партийного и государственного аппаратов. В результате этой борьбы из 54.174 храмов в 1914 году в настоящее время только около 8.000 открыты для богослужений. Для подготовки духовенства по данным Святейшего

Синода на 1914 г. было: духовных академий 4, в них студентов 995 и 15 вольнослушателей; духовных семинарий 57, в них воспитанников 22.734; духовных училищ 185, в них учащихся 29.419. В настоящее время в Советском Союзе: духовных академий 2 — в Москве и Ленинграде; духовных семинарий 3 — в Москве, Ленинграде и Одессе. Как в академиях, так и в семинариях крайне ограничено число

поступающих студентов и воспитанников. Так, в Одесскую семинарию запрещено принимать более 15 воспитанников в год. В свете этих данных Православный Богословский Институт в Париже приобретает совершенно исключительное значение не только для зарубежной части русской православной Церкви, но и православных церквей других народов.

15-ЛЕТНЕ ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

В этом году исполнилось 15 лет со дня основания мюнхенского Института по изучению Советского Союза. «Сырьевой базой» института является библиотека, считающаяся наиболее полным собранием литературы по советоведению в Европе. Она содержит около 50 тысяч книг и свыше 12 тысяч томов укомплектованной периодики. Библиотека получает все важнейшие советские периодические издания: все центральные и республиканские газеты и главные журналы, как общеполитические, так и специальные; записки и сборники советских академий и научно-исследовательских учреждений; регулярно выпускаемые в Советском Союзе справочники по различным отраслям народного хозяйства и культуры и т. д. В недрах библиотеки хранятся некоторые «раритеты»: стенографические отчеты русской Государственной Думы, ленинская «Искра», полные комплекты — от первого и до последнего номера — «Правды» и «Известий», бюллетени троцкистской оппозиции и др.

На этой обширной, богатой первоисточниками производственной базе Библиографической секции института прежде всего удалось построить огромную библиографическую картотеку, охватывающую свыше 62 тысяч современных советских государственно-политических, хозяйственных и экономических деятелей. Эти материалы выпущены в свет в форме фундаментального справочника «Who's who in the USSR» (на английском языке). В настоящий момент подготовлено второе издание справочника, содержащее около пяти тысяч имен.

Пользуясь возможностями, предоставляемыми библиотекой и Библиографической секцией (в которой сосредоточен справочный аппарат), работает Исследовательский отдел института. Два десятка научных работников разных специальностей исследуют идеологические, экономические и культурные проблемы СССР. За последние два года продукция Исследовательского отдела составила 243 статьи и 54 рецензии. Кроме научно-исследовательской, институт ведет и педагогическую работу, устраивая семинары для студентов и молодых западных советологов, проводит симпозиумы по отдельным темам, а также дает бесчисленные консультации и справки по вопросам советоведения. Результаты работы Исследовательского отдела реализует Издательство института, выпускающее книги и журналы на десяти языках, в том числе на испанском, турецком и арабском.

Не всегда деятельность института была столь разносторонней и широкой. Пятнадцать лет тому назад весь институт состоял из пяти-шести научных работников, покинувших Советский Союз, из одной-двух скромных комнат и «библиотеки», насчитывавшей с сотню названий. Теперь Институт по изучению СССР — общепризнанный международный центр, пользующийся известностью и уважением в научных кругах Запада. Своими успехами институт обязан в первую очередь принципу, которого неуклонно придерживался в течение пятнадцатилетнего существования: не смешивать науку с пропагандой и стремиться к максимальной научной объективности.

— Вышел БЮЛЛЕТЕНЬ № I — 1965 Кронштадтской группы

За Вашу и Нашу Свободу

На обложке БЮЛЛЕТЕНЯ краткое политическое кредо:

«Я русский. Не мыслимо, чтобы я мог пожелать своему народу что-либо плохое. Но я и мои друзья принадлежим к тем сыновьям России, кто любит «всяк сущий в ней язык», и счастливое будущее нерусских национальностей нам близко в той-же мере. Наша группа за совместное освобождение от моральных и экономических цепей однопартийности. Не за

расчленение на враждующие государства боремся мы, а за равноправную и добровольную Конфедерацию, в которой каждый у себя хозяин, каждый за всех и все за одного.

Самое главное, чтобы освобождались мы вместе и дружно».

КРОНШТАДТСКАЯ ГРУППА — политические эмигранты из Советского Союза в США и Канаде, «поддерживающие антикоммунистическую программу» восставших в 1921 г. в Кронштадте матросов и рабочих против большевиков.

СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

(КРАТКАЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Семен Людвигович Франк родился 16 (28) января 1887 года в Москве, скончался в Лондоне 10 декабря 1950 года.

В 1894 г. С. Л. поступил на юридический факультет Московского университета. В это время он увлекался марксизмом, но увлечение это очень скоро кончилось. Уже в 1900 г. появился первый самостоятельный труд С. Л. Критический этюд о марксизме — «Теория ценности Маркса и ее значение». В 1902 г. С. Л. по предложению П. Б. Струве и П. И. Новгородцева принимает участие в сборнике «Проблемы идеализма». В тот период С. Л. нередко бывал за границей. В одну из этих поездок, в 1904 г., он принял участие в первом заграничном съезде «Союза Освобождения». Во время революции 1905 г. С. Л. находился в Москве, где в октябре того же года он принял участие на первом съезде Конституционно-демократической партии. Вскоре после этого он переселился в Петербург, где вместе со Струве редактировал еженедельник «Полярная звезда». После закрытия последнего цензурой, С. Л. стал редактором его преемника «Свобода и культура». С конца 1906 г. до самой революции, С. Л. принимает участие в редактировании издававшегося Струве журнала «Русская мысль». В 1904-1905 г. г. С. Л. сотрудничал также в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни», выходящих под редакцией Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова.

В 1909 году С. Л. Франк, наряду с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, М. О. Гершензоном, А. С. Изгоевым, Б. А. Кистяковским и П. Б. Струве принял участие в знаменитом сборнике «Вехи».

В 1912 г., после сдачи магистерского экзамена, С. Л. стал приват-доцентом при Петербургском университете.

В 1917 г. С. Л. переехал в Саратов, где стал деканом и ординарным профессором историко-философского факультета.

В 1918 г. С. Л. принял участие в известном сборнике о русской революции «De Profundis», вышедшем в издательстве «Русская мысль». В настоящее время предполагается переиздание этого сборника.

Осенью 1921 г., в начале НЭП-а, С. Л. переехал в Москву. Но надежды на возможность свободного творчества очень скоро кончились. Уже летом 1922 г. С. Л. был арестован, а осенью выслан за пределы СССР вместе с большой группой (более 100 человек) русских ученых и писателей, не пожелавших подчинять свое творчество партийной указке.

Жизнь в изгнании была для С. Л., как и для очень многих, нелегкой. Первые годы (с 1922 по 1937) он

прожил в Германии, затем во Франции. После войны, которую ему лишь чудом удалось пережить, он переехал в Англию, в Лондон, где прожил до своей кончины 10 декабря 1950 г. На его надгробном кресте стоит надпись, — цитата из Книги Премудрости — ярко характеризующая содержание и направленность жизни и творчества этого великого мыслителя: *Премудрость возлюбил и поискал от юности моея. Познал же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу.*

Полная библиография всех трудов С. Л. Франка была в свое время составлена Л. А. Зандером и опубликована в «Сборнике памяти Семена Людвиговича Франка», Мюнхен, 1954, стр. 177-192. Из этой библиографии мы приводим здесь лишь список русских книг и брошюр С. Л., пополненный нами изданиями, вышедшими с тех пор:

Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. Москва, издат. Водовозовой, 1900.

Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., издат. Д. Жуковского, 1910, 389 стр.

Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. СПб., 1915, VII + 504 стр.

Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. (Записки историко-филологического факультета Петроградского университета, часть 138). Петроград, 1917, V + 252 стр.

2-е издание: Париж YMCA-Press, 1964, 328 стр.

Нравственный водораздел в русской революции. Москва, 1917.

Демократия на распутье. Москва, 1917.

Мертвые молчат. Москва, 1917.

Очерки методологии общественных наук. Москва, издат. Берег, 1922, 124 стр.

Введение в философию в сжатом изложении. Петроград, издат. Akademia, 1922, 84 стр.

2-е исправленное издание: Берлин, издат. Обелиск, 1923, 140 стр.

Живое знание. Сборник статей. Берлин, издат. Петрополис, 1923, 264 стр.

Религия и наука. Берлин, Евразийское Книгоиздательство, 1924.

2-е издание: Брюссель, издат. Жизнь с Богом, (Серия: Религия, философия и наука № 1), 1953, 28 стр.

Крушение кумиров. Париж, YMCA-Press, 1924, 103 стр.

Смысл жизни. Париж, YMCA-Press, 1926, 171 стр.

Основы марксизма. Берлин, Евразийское Книгоиздательство, 1926, 49 стр.

Материализм как мировоззрение. (Из серии «Христианство, атеизм и современность»). Париж, YMCA-Press, 1928, 32 стр.

Личная жизнь и социальное строительство. (Из серии «Христианство на безбожном фронте» № 1). Париж, YMCA-Press, (без года), 25 стр.

Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж, YMCA-Press, 1930, 317 стр.

Пушкин как политический мыслитель. С предисловием и дополнением П. Б. Струве. Белград, 1937, 42 стр.

Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Париж, издат. Дом Книги и Современные Записки, 1939, 326 стр.

Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, YMCA-Press, 1949, 403 стр.

Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, издат. им. Чехова, 1956, 237 стр.

Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.

С нами Бог. Три размышления. Париж, YMCA-Press, 1964, 278 стр.

Из истории русской философской мысли конца 19-го и начала 20-го веков. Нью-Йорк, 1965, 299 стр.

А. Желнин

Johannes-Chrysostomus, O. S. B. Kirchengeschichte Rußlands der neuen Zeit. I. Patriarch Tichon. 1917-1925. Verlag Anton Pustet. München/Salzburg, 1965. 16, 420 стр., с тремя портретами Патриарха Тихона.

Эта книга является первой частью трехтомного труда по истории Русской Церкви после — синодального периода, начиная с февральской революции 1917 г. и до наших дней. Первая часть охватывает собою эпоху Патриарха Тихона. Автор — русский по происхождению, близко наблюдавший жизнь русской церкви в советских условиях. В своем подробном изложении развития церковной жизни описываемой им эпохи, он не ограничивается только своими наблюдениями, но, главным образом, основывается на документальном материале. Автор подробно характеризует Патриарха Тихона, приводя всю его биографию. Однако, Патриарх Тихон не является главной и исключительной темой книги о Хризостома: это — только центральная личность этой эпохи, на которой естественно сосредотачивается внимание историка. Автор, описывая собор 1917 г., внимательно останавливается на проблеме восстановления патриаршества и на работах комиссий, созданных для решения этой проблемы еще задолго до революции. Очень детально излагает и разбирает автор борьбу власти против церкви и связанную с ним историю т. н. «Живой Церкви» и обновленчества. При этом дается весьма ценный документаль-

(Окончание см. на стр. 14)

ФЕДОР АВГУСТОВИЧ СТЕПУН

(КРАТКАЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Федор Августович Степун родился 6 (18) февраля 1884 г. в Москве, скончался 23 февраля 1965 г. в Мюнхене.

Среднее образование Ф. А. получил в Москве. После этого он учился в Германии, в Гейдельбергском университете, который закончил диссертацией о Владимире Соловьеве.

Вернувшись в Россию в 1910 г., Ф. А. вместе с С. И. Гессеном приступил к русскому изданию многоязычного философского журнала «Логос».

Одновременно, готовясь к магистерскому экзамену, Ф. А. в качестве члена «Бюро провинциальных лекторов» объездил с докладами многочисленными районами России.

Первую мировую войну Ф. А. проводит на фронте в артиллерии. В начале революции он попадает на фронт

в качестве правительственного комиссара, а затем работает в военном министерстве начальником политического управления.

После захвата власти большевиками Ф. А. перебирается в Москву. Там он одно время работает в качестве заведующего репертуаром и помощника режиссера в «Показательном театре революции». Но вскоре за постановку Софокла и Шекспира он был изгнан из театра «за непонимание сущности пролетарской культуры», как писал в одной статье сам Ф. А. После этого, до своей высылки из СССР осенью 1922 г., Ф. А. жил в деревне.

В зарубежье Ф. А. сразу же возобновил свою многостороннюю деятельность. Он принимает активное участие в «Русском студенческом христианском движении» (РСХД). Он сотрудничает в многочисленных, как русских зарубежных, так и немецких журналах, пишет книги. В 1926 г. он избирается на кафедру социологии Дрезденского политехникума, которой он по распоряжению гитлеровских властей лишается в 1937 году. Одновременно ему запрещаются как печатные, так и устные выступления.

После войны Ф. А. возобновляет свою профессорскую деятельность. Специально для него при Мюнхенском университете была создана кафедра по истории русской культуры.

Полная библиография всех трудов Степуна еще ждет своего составителя. Из русских периодических изданий статьи и очерки Ф. А. можно найти в следующих журналах и альманахах: «Новый Град» (Париж), «Современные записки» (Париж), «Путь» (Париж), «Вестник РСХД» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Опыты» (Нью-Йорк), «Воздушные пути» (Нью-Йорк), «Литературный современник» (Мюнхен), «Вестник РСХД в Германии» (Мюнхен), «Мосты» (Мюнхен) и др.

Ниже мы приводим список книг Степуна на русском языке, а также тех его немецких книг, русского издания которых еще не имеется:

Из писем прапорщика артиллериста. Москва, 1918.

2-е издание: Прага, 1926.

Основные проблемы театра, Берлин, издат. Слово, 1923, 127 стр.

Жизнь и творчество. Берлин, издат. Обелиск, 1923, 254 стр.

Николай Переслегин. Философский роман в письмах. Париж, издат. Современные записки, 1929, 420 стр.

Бывшее и несбывшееся. Том I — 396 стр. Том II — 429 стр. Нью-Йорк, издат. имени Чехова, 1956.

Встречи. Достоевский, Л. Толстой, Бунин, Зайцев, В. Иванов, Белый,

Леонов. Мюнхен, Товарищество зарубежных писателей, 1962, 202 стр.

Большой интерес представляет серия очерков «Мысли о России», появившаяся в журнале «Современные записки», Париж, № 14, 15, 17 (1923), 19, 21 (1924), 23 (1925), 32, 33 (1927) и 35 (1928).

Theater und Film. München, Hanser-Verlag, 1953, 164 S.

Dostojewskij. Weltanschauung und Weltanschauung. Heidelberg, 1950.

Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München, Kösel-Verlag, 1959, 297 S.

2-е издание: München, Kösel-Verlag, 1962, 315 S.

Dostojewskij und Tolstoj. Christentum und soziale Revolution. Drei Essays. München, Hanser-Verlag, 1961, 156 S.

Mystische Weltanschauung. Fünf gestalten des russischen Symbolismus. München, Hanser-Verlag, 1964, 442 S.

А. Желмин

(Окончание. Начало см. на 13 стр.)

ным материал, нередко приводимый полностью (напр., декреты правительства, выдержки из соборных актов, сообщений в советских, эмигрантских и иностранных газетах, и т. д. — в немецком переводе). Каждое свое утверждение автор подкрепляет ссылкой на источники. Автор прекрасно знает историю русской церкви, русский народ и его религиозную психологию.

Книга написана очень объективно, спокойным, деловым научным языком. Это — научный труд историка. Критический подход к материалу и источникам, систематическая последовательность изложения и основательная документация, отсутствие какой либо конфессиональной или политической партийности, делают это сочинение ценным научным вкладом в историю русской церкви.

Следующие части этого труда — «Московский Патриархат без Патриарха (1925-1943)», и «Русская церковь во время второй мировой войны и после нее» — должны появиться каждая в годичный срок.

Труд снабжен богатой библиографией, как на русском, так и на других языках, а также списком периодических изданий (русских — советских и эмигрантских, иностранных на разных языках), содержащих материал касательно описываемой автором эпохи. В конце книги дается перевод важнейших документов, сделанный очень точно.

Книга эта ценна не только для иностранного читателя, открывая ему истинный характер эпохи и значение главных ее деятелей (положительных и отрицательных) и знакомя его с русской церковью. Она ценна и для русских людей, а потому желательным было бы, чтобы она была переведена на русский язык.

И. Гарднер

В. П. БАРСОВ

13. 4. 65 года в городе Билефельде (ФРГ) скоропостижно скончался талантливый русский художник и писатель Василий Павлович Барсов. Последние 15 лет своей жизни покойный прожил в Германии.

Василий Павлович Барсов родился в 1900 году под Москвой. Окончил Московскую Художественную Академию по классу истории искусства и графики, и одновременно историко-литературный факультет Московского университета. Его учителями были Кандинский и Ульянов.

Благодаря разносторонности своего таланта В. П. добился в Советском Союзе признания не только как художник-экспрессионист, но и как писатель и художественный критик. Его картины являются украшением не только музеев Советского Союза, но и музеев многих европейских государств и США.

После войны В. П. не пожелал вернуться на родину, а остался в Германии, где добился признания как художник своеобразного стиля.

В. П. отличался необыкновенной сердечностью и простотой. Работа была для него источником радости и эта радость чувствовалась в каждой его картине. Мотивы для своих работ В. П. черпал из впечатлений от своих частых поездок на юг Европы и из в окружающей Билефельд, холмистой природы Востфалии. Часто он возвращался и к темам далекой и столь любимой им родины.

Со смертью В. П. мы потеряли не только талантливого художника, но и сердечного, отзывчивого, всеми любимого и уважаемого человека.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Балет «Дон Кихот» в новой инсценировке балетмейстера Георгия Балахнина поставлен в театре Линкольн Центр в Нью-Йорке. Музыка написана Николаем Набоковым.

● В Торонто (Канада) на ежегодном музыкальном фестивале молодежи были отмечены молодые таланты: Татьяна Иванова, Миша Бабняк, Женя и Валя Куптавы, Элла Кумарева, Лена Шыробокова и Верочка Майданова.

● Русский певец Николай Росс-Леменц выступил в заглавной роли оперы «Евгений Онегин» в Римском оперном театре.

● Композитор Александр Черепнин выступил этим летом во воскресенья, с исполнением своих композиций по радиостанции WOXR (США).

● Русская пианистка Алла Аркадиевна Бух, постоянно проживающая в Мюнхене (ФРГ), в начале наступающего сезона совершила турне по столицам Западно-европейских стран. Наряду с регулярными концертами, предусмотрены реситали в Брюсселе и Париже, чистый сбор с которых предназначен на поддержку православного русского женского монастыря в Фурке под Парижем.

● Танцовщица, балетмейстер и педагог Наталья Георгиевна Мирская отметила в Барселоне 20-летие хореографической деятельности. 27-го июня состоялся годовой спектакль ее студии, работающей на основах русской балетной традиции.

● Пианисты Симона Крепэ-Боннэ и Генрик Винковский окончили Русскую консерваторию в Париже. Экзаменационный концерт состоялся 2-го июля. Экзаменационный комитет состоял из директора консерватории А. Андреева, профессоров З. Дига, Н. Савицкой, А. Сборницкой и Мажена, композитора А. Трубинского и члена правления Русского Музыкального Общества В. Верещагина.

● Пианистка Мария Безобразова с успехом выступает на концертах американских литературно-музыкальных обществ.

● Музыкально-вокальная студия Зои Андреевны Бук существует в Брисбене (Австралия) уже пять лет. В школе учатся русские и австралийцы. Зоя Андреевна ежедневно еще дает уроки музыки в помещении русского клуба в Брисбене.

● Певица Вера Бринер, сестра известного киноартиста Юлия Бринера, приняла участие в благотворительном концерте в Бриджпорт, Конн (США) в пользу св. Духовской православной церкви.

● Русский мужской хор Йельского университета с большим успехом гастролировал в США и в Европе. В Париже ему был присужден первый приз в размере 6000 франков.

● Скрипач Леонид Болотин юбилейным концертом отметил 20-летие своей педагогической деятельности в Вечестер консерватории в Вайт Поэйнс (США).

● В Копенгагене состоялся международный конкурс молодых дирижеров имени Николая Андреевича Малько. В конкурсе принимали участие 36 дирижеров из всех стран мира. Покойный Н. А. Малько, известный дирижер и педагог, провел последние годы своей жизни

в Австралии. Особенной популярностью он пользовался в Дании, где он создал один из лучших оркестров Европы — оркестр датского радио.

● Русский художник Сергей Броздич избран в члены международного комитета художников в Риме.

● Русская певица Ольга Карпис выступала в телевидении программы ABC в Буффало (США).

● Романсы и песни Глинки, Гречанинова, Глазунова, Лядова, Рахманинова и Чайковского передаются в исполнении В. Брамина на волнах AM 1450 и FM 104,7 (США).

● И этим летом в Гренич Вилледже (Нью-Йоркском Монмартре) устроена выставка картин под открытым небом. Среди многочисленных экспонатов можно найти и работы русских художников: Юрия Аристова, Веры Дражевской, Владимира Карягина, Виктора Гали, Владимира Лазарева, Константина Ротко, Нины Збандутовой, Марины Золотовой и Варвары Васильевой.

● Дирекция Метрополитэн Опера поручила Виталию Фокину, сыну балетмейстера постановку «Половецких плясок» из оперы «Князь Игорь».

● Художник Константин Терешкович выставил в июне с.г. в Париже свои акварели и литографии.

● Композитор и пианист Аркадий Кутель получил первый приз на конкурсе Американского общества арфистов.

● Молодой (17-летний) художник Борис Вишневецкий получил на выставке в Монма ут Коунти первый приз и стипендию на бесплатное обучение в любом колледже США.

● В нью-йоркской картинной галерее Гаммера открылась выставка одного из талантливых русских художников старшего поколения П. Д. Корина. Выставка крайне разнообразна. Портреты написаны реалистически. Пейзажи. Эскизы, напоминающие по сюжетам и письму древние иконы. Центральное место на выставке занимает прекрасная картина «Уходящая Русь», в которой чувствуются религиозные мотивы лучших русских мастеров.

● Родительский комитет при св. Сергиевской гимназии в Нью-Йорке организовал выставку картин русских художников в помещении института изучения русского и славянских языков на Парк Авеню в Нью-Йорке.

● Город Париж приобрел картину русского художника Николая Исаева.

● Общество Охранения Русских Культурных Ценностей в Париже приступило к изданию «Золотой Книги Русской Эмиграции» из двух частей: «Вклад русских в мировую культуру» и «Деятельность русского зарубежья». Правление общества обращается ко всем русским зарубежья с призывом принять участие в этом издании. Все материалы просят направлять по адресу председателя С. М. Лифаря 26 Avenue de New-York, Paris 16, или товарища председателя Л. Н. Немирова, 26-bis, rue de l'Ingenieur Robert Keller, Paris 15.

● Сборник «На темы русские и общие» вышел в Нью-Йорке под редакцией профессора Н. П. Полторацкого. В сборнике, посвященном профессору Н. С. Тимашеву, статьи Н. Лосского, В. Унбегауна, Г. Вернадского, прот. А. Шмемана, Н. Ульянова, Ф. Степуна, Б. Одиноца, В. Алексеева, С. Левитского и др. Почетный редактор проф. П. Сорокин.

● Вышел первый номер журнала «Встречи». Журнал издает юношеский отдел Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) во Франции.

● Международная музыкальная энциклопедия вышла в издательстве Додд, Минд энд Ко (США). Энциклопедия содержит 2000 страниц и упоминает имена многих русских композиторов, певцов и музыкантов. Среди хороших дирижеров: создатель и руководитель хора донских казаков С. А. Жаров и Н. П. Афонский — регент митрополичьего хора в Нью-Йорке.

● В Канаде выходят следующие периодические издания на русском языке: журнал «Современник», журнал русского культурно-просветительного общества «Русское слово Канады», «Православный Вестник», «Информационный Листок СВОИР-а».

● Недавно вышел очередной номер газеты «Русский Инвалид». Газета выходит один раз в год.

● Собрание стихотворений В. Дитерихс фон Дитрихштейна вышло в издании журнала «Родные Перезвонки» в Брюсселе 148, Бульвар ван Хэлен. Изящно изданный сборник содержит 229 стихотворений, написанных в период от 1912 по 1964 год.

● В Голливуде (США) вышел № 135 литературно-общественного журнала «Родные Дали».

● Александра Львовна Толстая закончила автобиографическую книгу «Проблески во тьме». Книга будет издана в Мюнхене (ФРГ).

● Исторический сборник «Русский корпус на Балканах во время 2-й великой войны» под редакцией Д. П. Вертепова вышел в издательстве газеты «Новое Русское Слово», (Нью-Йорк, США).

● Сын профессора Н. С. Тимашева, доктор юрми С. Н. Тимашев награжден департаментом земледелия США высоким отличием «За выдающуюся службу». В списке награжденных имя С. Н. Тимашева стоит на первом месте.

● Архив покойного писателя Бориса Николаевича Волкова передан в музей Русской Культуры в Нью-Йорке.

● Иван Алексеевич Гарднер уже с летнего семестра 1954 года читает на философском факультете Мюнхенского университета лекции о русском церковном пении. Внимание главным образом обращается на чтение древних безлинейных нотаций (палеография), на формы канонического пения, а также затрагиваются вопросы и современного церковного пения и научной о нем литературы.

● Более 300 участников собралось на съезд славистов, происходивший от 8 до 12 июня в городе Гейдельберге. Съезд организован директором Славянского института при Гейдельбергском университете, профессором Д. И. Чижевским; он же был и главным докладчиком на съезде.

● Афинская Академия наук выбрала трех новых членов. Среди них профессор богосло-

вия Гарвардского университета (США) отец Георгий Флоровский.

● Йельским университетом (США) присуждена докторская степень Сергею Павловичу Кръжидкому за диссертацию «Произведения Ивана Бунина».

● Музыкальная школа в Каракасе (Венецуэла) провела 14-тый ученический концерт по классу рояля (проф. М. О. Генке-Гальченко). Из успешно выступавших русских учеников необходимо отметить Татьяну Гуцаловскую, Ольгу Волкову, Вилло Кунст и братьев Романа и Владимира Якимовых.

● Св. Серафимовский фонд, возглавляемый о. Александром Киселевым, провел летний детский лагерь в Кетсильских горах (США).

● ОРЮР — Летний лагерь Североамериканского отдела Организации Российских Юных Разведчиков был открыт 3-го июля вблизи Нью-Йорка в горах Адирондакс.

● ОРЮР — Европейский отдел Организации Российских Юных Разведчиков (Скауты) провел летний лагерь отдела на берегу Дуная, недалеко от городка Кельхейм в Баварии с 17 июля по 9 августа с. г. Начальником лагеря был скаутмастер И. Чекан из Парижа.

● РСХД — Русское Христианское Студенческое Движение. Летний двухмесячный лагерь для дружины и студенческой молодежи состоялся, как и всегда, на постоянном лагерном месте в Сен-Теофре с департамент Изер), Франция, с 1 июля по 31 августа.

● НОВ — Национальная Организация Витязей в Европе. Суворовский двухмесячный летний лагерь молодежи был проведен на постоянном собственном участке Организации в Лаффре (департамент Изер), Франция, с 1 июля по 31 августа.

● Свято-Серафимовский приход в Мюнхене и Общество содействия образованию русских детей провели с 10 августа с. г. трехнедельный лагерь-колонии для детей и юношества в собственном доме Общества в Вад-Гшпрайте около Эберсберга в Баварии. Лагерем заведывал священник Анатолий Древинг.

● Лагерь русской молодежи в Бельгии этим летом был проведен в Бредене на берегу моря под руководством священника Дмитрия Хвостова. Благодаря этому лагерю русские дети раз в году находятся в русской среде, говорят по русски, поют русские песни и знакомятся с русской историей. Над лагерем развевался русский трехцветный флаг.

● Украинские скауты — Пластуны. Летний лагерь происходил, как всегда на постоянном лагерном участке около городка Кенигсдорф в Баварии, на берегу реки Изар. Лагерь длился с 27 июля по 17 августа с. г. В лагере побывало около 160 человек.

● Издательство «Посев» организовало в апреле с. г. во Франкфурте-на-Майне съезд русской молодежи. На съезде приняли участие члены разных организаций: Русского Студенческого Христианского Движения, Организации «Витязи» и Народно-Трудового Союза. Были прочитаны доклады на темы: «Отношение западной молодежи к русской проблеме»; «Облик и чаяния современной русской молодежи» и «Роль западной молодежи, в частности, русской в идейных обменах между Россией и свободным миром».

● В школе синодального подворья в Бурлингейме (США) обучается 60 русских детей

Закону Вожию, русскому языку, русской истории и географии.

● Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД) провело с 5 по 7-ое июня в замке «La Roche Dieu», Bievres вблизи Парижа традиционный ежегодный конгресс русской молодежи. Обсуждались следующие темы: «Борьба за свободу духа в советской России»; Объединяется ли православие на Западе», «Россия и Запад» и «Запад и Россия».

● Профессор Н. А. Николаев награжден орденом св. Лазаря первой степени. Группа французских филологов устроила в Париже торжественный обед с чествованием лауреата.

● Петр Андрианович Дровицкий успешно защитил диссертацию в Бруклинском университете (США) и получил степень доктора химии и философии.

● Миссис К. Д. Роджерс уроженка России, давно ставшая американкой, скончалась 75 лет в Сан-Диего (США). Перед смертью она завещала космонавтам Ю. Гагарину и Г. Титову по 3000 долларов и 200.000 долларов — сиротским домам Москвы и Пекина.

● Комитет по увековечению памяти погибших руководителей и участников Освободительного Движения Народов России обращается с просьбой ко всем, кому известны имена погибших и умерших участников Движения, сообщить таковые комитету по адресу: P. O. Box 126, Cathedral Sta., New York, N. Y., 10025, U.S.A.

● 23го июня с. г. Н. Н. Кандинская успешно провела продажу картин, пожертвованных на покрытие расходов по ремонту Александро-Невского собора в Париже. Были проданы работы следующих художников: В. Кандинского (гуаш, мироакварель), Г. Брака (литография), О. Забкина (рисунки), А. Майоль (скульптура), С. Делонэ (акварель), К. Терешковича (литография) и С. Шершуна (картина).

● Балетмейстер и хореограф Сергей Лифарь — один из известнейших пушкинистов зарубежья — приобрел для своей коллекции автографов, манускрипт Пушкина, сохранившийся в семье Витте.

● 125-летие со дня рождения Петра Ильича Чайковского было отмечено Обществом русско-американских инженеров докладом инженера С. А. Коростелева о жизни и творчестве композитора.

● Бывшая прима-балерина Императорского Мариинского театра, М. Кшесинская отметила в Париже 75-летие со дня своего первого выступления в 1890 году на вечере выпускников Императорской балетной школы в Санкт-Петербурге.

● София Николаевна Гладкая - Кедрова, бывшая оперная певица, отметила свое 90-летие. Почтить известную артистку собрались многочисленные ученицы, ученики, деятели искусства и друзья.

● 29-го мая в православном русском храме в Лиенце (Австрия) было совершено торжественное богослужение в память выдачи казачков 1-го июня 1945 года. На следующий день была отслужена панихида на казачьем кладбище. Служил архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний. Среди присутствующих были и немногие, чудом

спасшиеся, участники трагедии, разыгравшейся 20 лет тому назад.

● Пожертвования на помощь русским в Св. Земле просят направлять на имя епископа Мефодия по адресу: Mgr. Méthode, 7-bis, rue du Bois, Asnières (S), France. Пожертвования собираются для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, для русского женского монастыря на Елеоне, для монашеской общины в Вифании-Гефсимании, для монастырской русской школы в Вифании, на русский храм и дом у Порога Судных Врат, для Троицкого монастыря у Дуба Маврийского и на ремонт храма Гроба Господня в Иерусалиме.

● Митрополит Филарет, Председатель Синода и Глава Русской Православной Зарубежной Церкви, посетил с Чудотворной Иконой Вожиной Матери Курской Коренной европейские епархии в августе и сентябре с. г.

Владыка Митрополит Филарет совершал торжественные богослужения, на которые съезжались верующие из всех соседних городов. Владыка сделал визиты главам европейских государств, присутствовал при освящении новых храмов и посетил русские старческие дома, больницы и школы. Молебны перед Чудотворной Иконой были совершены по просьбам верующих во многих частных домах.

● Раз в году епископ Мефодий (Париж) организует паломничество в Святую Землю. В этом году паломничество при участии 63 паломников было совершено в 12-тый раз.

● Семь новых колоколов храма св. Архистратига Михаила в Людвигсфельде около Мюнхена (ФРГ) впервые звонили во время пасхального крестного хода. Средства на приобретение колоколов собраны среди прихожан.

● В. Форт Маэрс во Флориде (США) основана новая православная община. Приобретено здание для приходского храма.

● В городе Паоло Алто в Калифорнии идет интенсивный сбор пожертвований на постройку нового храма. Пожертвования просят направлять по адресу: о. настоятелю митроф. протоиерею Н. Пономареву, 643 Channing Ave, Paolo Alto, Calif., USA.

● Новый православный храм Св. Николая Чудотворца заложен 22-го августа с. г. во Франкфурте на Майне (ФРГ). Участок земли предоставлен городом, а средства собраны прихожанами и стараниями отца настоятеля храма, протоиерея Леонида Игнатьева.

Редакционная коллегия
Редактор Е. Мамуков

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postabthofach

Банковский счет № 30 / 90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt:
E. Mamukoff.

Druck: „ISKRA“, München 13, Heßstr. 50-52.